

Об отставном подполковнике бароне
ШТЕЙНГЕЛЕ
 IB № 360

№ 1**О П И С Ъ**

делу об отставном подполковнике
 бароне *Штейнгеле*

Число бумаг	На каких листах
1 Копия с формулярного списка о службе подполковника барона Штейнгеля
2 Первоначальный допрос, снятый генерал-адъютантом Левашевым	с 1 по 5
3 Вопросы о воспитании и ответы на оные	5, 6
4 Вопросы барону Штейнгелю от 7 февраля	7 до 11
5 Ответы его на оные	11—19
6 Дополнительный вопрос от 8 марта и ответ его	19, 20
7 Вопрос Рылееву от 28 марта и ответы его	21
8 Вопрос Пущину от того же числа с ответами его	22
9 Вопросы Штейнгелю от 30 апреля и ответы его	23 до 33
10 Вопрос барону Штейнгелю от 11 мая с ответом его	33, 34
11 Вопрос ему же от 15 мая с ответом его	35 до 39
12 Очная ставка Каховскому с бароном Штейнгелем, данная 16 мая	39, 40
Итого	40

Надворный советник Ивановский // (л. 6)

Копия с формулярного списка по службе состоявшего
Выписана из списка, имеющегося при деле о увольнении его от службы
от службы для определения к

Чин и имя, отчество и прозвание, также какие имеет ордена и прочие знаки отличия	Сколько от роду лет	В службу вступил и во оной какими чинами происходил и когда			В течение службы в которых именно полках и батальонах по переводам и произнождениям находился				
		чины	годы	месяцы	числа	полки и батальоны	годы	месяцы	числа
Подполковник барон Владимир Иванов сын Штейнгель, орденов Святой Анны 2-й степени и Святого Владимира 4-й степени с бантом кавалер, имеющий две медали в достопамятность 1812 года, войску и дворянству жалованые	33 ¹	В Морской кадетский корпус кадетом	792	Август [та]	14				
Родом из дворян бранденбург-байретских, за собой крестиль не имеет, ныне дворянин Московской губернии		Гардемарином	495	Майя	9				
		От гардемарин старшим унтер-офицером	798	Октябр [ря]	18				
		Мичманом	799	Майя	18	По выпуске из корпуса был определен в Балтийский корабельный флот	799	Майя	18
		Лейтенантом	807	Ген- [варя]	11	Из оного переведен в морскую команду, в Охотском порте находящуюся	802	Генваря	24
		Капитан лейтенантом	810	Декаб- [ря]	14	Из сей команды поступил в Иркутскую морскую команду	806	В декабре	
						Определен командиром оной	807	Майя	
						Переведен в Балтийский флот	809	Ноябр [я]	24
						Командирован к сибирскому генерал-губернатору по особым поручениям в Иркутск	810	Февр- [ляя]	14
		Переименован по кавалерии майором	815	Апре- [ля]	25	За болезнь уволен от службы с чином и мундиром	1810	Декаб- [ря]	14
		Подполковником	816	Авгу- [ста]	30	Вступил в Петербургское ополчение в 4-ю дружины	1812	Август [та]	3
						Откомандирован в Новгородское ополчение дежурным майором	1813	Апреля	7
						Обратно поступил в С.-Петербургское ополчение в 5-ю сводную дружины	"	Сентябр [ря]	26
						Из ополчения поступил адъютантом к генералу от кавалерии Тормасову	1814	"	24

¹ Цифра «33» переправлена карандашом на «43».

по кавалерии подполковника барона Штейнгейля.
оной; Штейнгейль высочайшим приказом 4 декабря 1819 года уволен от
статским делам // (лл. 6 об.—9)

	Во время службы своей в походах и в делах против неприятеля где и когда был, также какие награды за отличие в сражениях и по службе удостоился получить	Российской грамоте читать и писать науки знает ли	
1799 года в Голландскую экспедицию до берегов голландских и великобританских до 800 года; 1802 года с партию морских служителей в Охотский порт, где того же года и в следующие 803, 804, 805 и 806 годы делал кампании по Охотскому и Камчатскому морям, к Камчатским портам и обратно, 1809-го ездил для обозрения рек Нерчинского края до реки Амура.	В 1812 года был с ополчением всю кампанию до окончания оной в 1814 году, во время оной был в сражениях: при взятии Полоцка 6 октября, за которое всемилостивейше награжден орденом Святой Анны 2-го класса; при местечке Чашниках 19 октября, за которое всемилостивейше награжден орденом Святого Владимира 4 степени с бантом; при реке Березине 16 ноября, за которое вторично награжден тем же орденом Владимира 4 степени; под городом Данилигом за содействие в переформировании Новгородского ополчения удостоился получить высочайшее благоволение, а за разделение опасностей с начальником в бывшем сражении при занятии предместья Лангфура представлен был от его королевского высочества к прусскому ордену «За заслуги», о чем имеется свидетельство, в октябре 1814 года поручена в управление военная канцелярия, а май 1815 года и гражданская; сего 1816 года за поднесение его императорскому величеству книги своего сочинения всемилостивейше пожалован перстнем; а за отличие по службе всемилостивейше награжден чином подполковника	Равно французскому и немецкому языкам обучен и все принадлежащие морскому офицеру науки знает	В домовых отпусках был ли, когда именно, на какое время и явился ли на срок
	Не бывал		В штрафах был ли, по суду или без суда, за что именно и когда
	Не бывал		Холост или женат и имеет ли детей
		Женат. Имеет 2 сыновей: Ростислава 4-х и Всеволода 2-х лет и двух дочерей: Юлию 5-го и Веру 1-го году	В комплекте или сверх комплекта, при полку или в отлучке, где именно, по чьему повелению и с которого времени находится
			К повышению достоин или зачем именно не атестуется
			Достоин

Подлинный подписал: генерал от кавалерии граф Тормасов

Верно: начальник архива Деларю

С подлинным читал: Помощник начальника архива Петров // (л. 10)

по кавалерии подполковника барона Штейнгейля.
оной; Штейнгейль высочайшим приказом 4 декабря 1819 года уволен от
статским делам // (лл. 6 об.—9)

Во время службы своей в походах и в делах против неприятеля где и когда был, также какие награды за отличие в сражениях и по службе удостоился получить	Российской грамоте читать и писать, равно французскому и немецкому языкам обучен и все принадлежащие морскому офицеру науки знает ли	В домовых отпусках был ли, когда именно, на какое время и явился ли на срок	В штрафах был ли, по суду или без суда, за что именно и когда	Холост или женат и имеет ли детей	В комплекте или сверх комплекта, при полку или в отлучке, где именно, по чьему повелению и с которого времени находится	К повышеннию достоин или зачем именно не аттестуется
1799 года в Голландскую экспедицию до берегов голландских и великобританских до 800 года; 1802 года с партию морских служителей в Охотский порт, где того же года и в следующие 803, 804, 805 и 806 годы делал кампании по Охотскому и Камчатскому морям, к Камчатским портам и обратно, 1809-го ездил для обозрения рек Нерчинского края до реки Амура. С 1812 года был с ополчением всю кампанию до окончания оной в 1814 году, во время оной был в сражениях: при взятии Полоцка 6 октября, за которое всемилостивейше награжден орденом Святой Анны 2-го класса; при местечке Чашниках 19 октября, за которое всемилостивейше награжден орденом Святого Владимира 4 степени с бантом; при реке Бerezине 16 ноября, за которое вторично награжден тем же орденом Владимира 4 степени; под городом Данцигом за содействие в переформировании Новгородского ополчения удостоился получить высочайшее благоволение, а за разделение опасностей с начальником в бывшем сражении при занятии предместья Лангфура представлен был от его королевского высочества к прусскому ордену «За заслуги», о чем имеется свидетельство, от октября 1814 года поручена в управление военная канцелярия, а в мае 1815 года и гражданская; сего 1816 года за поднесение его императорскому величеству книги своего сочинения всемилостивейше пожалован перстнем; а за отличие по службе всемилостивейше награжден чином подполковника	Не бывал	Не бывал	Женат. Имеет 2 сыновей: Ростислава 4-х и Всеволода 2-х лет и двух дочерей: Юлию 5-го и Веру 1-го году	В комплекте или сверх комплекта, при полку или в отлучке, где именно, по чьему повелению и с которого времени находится	Достопн	

Подлинный подписал: генерал от кавалерии граф Тормасов

Верно: начальник архива Деларю

С подлинным читал: Помощник начальника архива Петров // (л. 10)

№ 102

Имя и чин?

Когда вы узнали о тайном обществе и кем в оное были приняты? ²

Кого вы знали из сочленов?

не знаю, обществу оные принадлежали ли. Еще припомню ²² адъютанта ²³ Муханова, который находится еще и теперь в Москве и о котором наверное знаю, что обществу принадлежит. Он сочинял разные статьи о Грузии, которые

Отставной подполковник бар[он] Штейнгейль. В 1824 году узнал я в Петербурге г[осподина] Рылеева, который открыл мне ³, что есть тайное общество, занимающееся улучшением ⁴ настоящего образа вещей, что есть комитет управляющий, но членов оного мне не открыл, уверяя, что сие совершенно противно первым правилам общества. Вскоре после возвратился я ⁵ в Москву, но пред отъездом моим г[осподин] Рылеев ⁶ просил меня ⁷, приехав в сию столицу, познакомиться с ⁸ Пущиным ⁹, от коего, говорил, что все желаемые сведения я получу. Увидев г[осподина] Пущина ⁹, нашел я его в большом недоразумении о возможности привести намерение ¹⁰ общества в исполнение. Он соглашался со мною, что ¹¹ народ еще на предприятие сие не готов и что, кроме ужаса, в безнадежии ожидать ничего неможно ¹², особенно от людей ¹³ праздношатающихся, которыми Москва наполнена. Я от г[осподина] Пущина ⁹ узнал, что общество имело намерение заставить государя дать конституцию, но средство к тому могло // (л. 10 об.) токмо быть принято в Петербурге. Вместе с сим давал он мне читать конституцию, сочиненную Северным обществом ¹⁴, но кем, мне не объяснил. Я ему ее возвратил, уверяя ¹⁵, что не нахожу ее удобоисполнительной ¹⁶ и хорошо обдуманной.

Я знал в Москве лично из членов г[осподина] Пущина ¹⁷ и Семенова ¹⁷, с которым он же меня познакомил, сверх сего говорили, что генерал Орлов ¹⁷ принадлежит ¹⁸ их тайне и разделяет оных намерение. Других же членов я никого не знал и ¹⁹ утвердительно ничего о сем сказать не могу. Я видел частое сношение Пущина ¹⁷ с Зубковым ²⁰, Данзасом и Калошиным ¹⁷, у коего он жил, но ²¹

¹ Вверху листа помета карандашом: «Отправлен в крепость» и поставлен крест.
² Ниже на полях вертикальная помета карандашом: «7 февр[аля] допр[ошен]».
³ Слова «[Господина] Рылеева», «открыл мне» подчеркнуты карандашом.
⁴ Далее зачеркнуто: «образа».
⁵ Слово «я» вписано над строкой.
⁶ Фамилия подчеркнута карандашом.
⁷ Далее зачеркнуто: «в».
⁸ Далее слово «Бестужевым» зачеркнуто.
⁹ Фамилия подчеркнута карандашом.

¹⁰ Слова «недоразумении о возможности привести намерение» отмечены на полях знаком «NB».

¹¹ Далее два слова «нельзя, можно» зачеркнуты.

¹² Первоначальный вариант «возможно».

¹³ Далее зачеркнуто: «многочисленных».

¹⁴ Слово «конституцию, сочиненную Северным обществом» подчеркнуты карандашом.

¹⁵ Далее зачеркнуто: «его».

¹⁶ Слова «нахожу ее удобоисполнительной» подчеркнуты карандашом.

¹⁷ Фамилия подчеркнута карандашом.

¹⁸ Далее зачеркнуто: «к».

¹⁹ Далее зачеркнуто: «ничего».

²⁰ Далее зачеркнуто: «и».

²¹ Далее зачеркнуто: «утверди[тельно]».

²² Слово «припомню» вторично вписано над строкой вместо зачеркнутого «припомню».

²³ Далее зачеркнута часть фамилии: «Мур...».

были напечатаны в последних номерах «Телеграфа». // (л. 11) В 1825 году в октябре¹ я приехал в Петербург с детьми². Имел свидание с Рылеевым³, от коего узнал, что действия общества идут успешно. Он же мне говорил, что в Петербурге есть приезжий Якубович³, который питал личную вражду ко покойному государю⁴, и что ожидал токмо его возвращения, дабы его истребить⁵, и что⁶ когда⁷ получено было известие о кончине государя, то сей же Якубович скрежетал зубами⁸, что лишился случая исполнить свое намерение⁹.

Когда получено было известие о смерти покойного государя и присяга была сделана¹⁰ цесаревичу, подполковник Батенков говорил мне, что он с стариком своим рассорился (так называл он Господина Сперанского) за то, что упустили день, который в столетии едва¹¹ повторится¹², и ничего не сделали для отечества. Сперанский ему отвечал: «Что ж мне делать, одному»¹³. Здесь я токмо узнал, что, вероятно, он ведал¹⁴ о намерении и о существе общества.

В сие время слышал я от Рылеева, что // (л. 11 об.) теперь уже ничего предпринять неможно, а нужно¹⁵ посмотреть, как будет вновь. И если беспорядок продолжится, то еще скорее всех противопоставит.

Вскоре слух отречения Константина Павловича разнесся, и тогда Рылеев¹⁶ мне сказал, что гвардия присягать Николаю Павловичу не будет. Сим хотели воспользоваться и насильно заставить Сенат объявить конституцию. Насчет царствующей фамилии положено ничего не было. Иные, как-то¹⁷: Бестужев¹⁸ Александр, Якубович¹⁸, о котором мне Рылеев говорил, Абаленский¹⁶, который показывал личное неудовольствие¹⁹ на государя²⁰ и произносил ужасные слова, Каховский²¹ утверждали, что изменение без крови быть не может²². Другие были умереннее и уверяли, что можно без сих средств обойтись. 13 числа ввечеру²³ видел я у Рылеева²¹ Трубецкого²⁴, который рассуждал²⁵ о приведении намерения их на другой день в исполнение, и Пущина²⁶, а Рылеев сказал мне, что завтра решительно Сенат присягает и что они начинают действовать. Более же я в тот день²⁷ никого не видел, ибо вскоре возвратился на свою квартиру. // (л. 12) В день происшествия

¹ Слова «в октябре» написаны вместо зачеркнутых «из Москвы».

² Далее зачеркнуто: «увидел».

³ Фамилия подчеркнута карандашом.

⁴ Слово «государю» подчеркнуто карандашом.

⁵ Слова «возвращения, дабы его истребить» подчеркнуты карандашом.

⁶ Слова «и что» вписаны над строкой.

⁷ Далее зачеркнуто: «же».

⁸ Слова «Якубович скрежетал зубами» подчеркнуты карандашом.

⁹ Девять строк от слов «идут успешно. Он же мне...» отчеркнуты на полях карандашом и отмечены знаком «NB».

¹⁰ Слово «сделана» вписано вместо зачеркнутых слов «прися[га] дана».

¹¹ Далее слово зачеркнуто.

¹² Далее зачеркнуто: «ни чем».

¹³ Слова «Сперанский ему отвечал: «Что ж мне делать, одному» подчеркнуты карандашом.

¹⁴ Слово «ведал» вписано вместо зачеркнутого «знал».

¹⁵ Слово «нужно» написано над строкой вместо зачеркнутого «надобно».

¹⁶ Фамилия подчеркнута карандашом.

¹⁷ Слово «как-то» написано над строкой вместо зачеркнутого «как».

¹⁸ Фамилия подчеркнута карандашом. Далее вставка. Слова «о котором мне Рылеев говорил» написаны на полях.

¹⁹ Слово «неудовольствие» подчеркнуто карандашом. Далее зачеркнуто слово «прот[ив]».

²⁰ Слово «государя» подчеркнуто карандашом.

²¹ Слова «ужасные слова, Каховский» подчеркнуты карандашом.

²² Слова «изменение без крови быть не может» подчеркнуты карандашом.

²³ Далее зачеркнуто: «был нек....».

²⁴ Фамилия подчеркнута карандашом.

²⁵ Далее зачеркнуто: «с ним».

²⁶ Слова «и Пущина» вписаны над строкой. Фамилия подчеркнута карандашом. Далее вставка. Слова «а Рылеев сказал мне, что... они начинают действовать» написаны на полях.

²⁷ Слова «тот день» вписаны над строкой вместо зачеркнутого «тут».

вия был я поутру у Рылеева¹, который сказал мне, что Финляндский, Лейб-Гренадерский и Московский полки наверное не присягнут, что будут выведены на площадь, чем² намерение их³ исполнится⁴. Располагая⁵ ехать⁶ возвратно в Москву⁷, написал о сем⁸ к жене и отнес письмо для отправления к [господину] Дружинину, от того пошел в дилижанс[овую] контору, где взяв билет⁹, возвратился домой. Немного¹⁰ погодя, опять туда же ходил¹¹ с [господином] Прокофьевым¹², желающим также ехать в Москву¹³, в Гороховой улице услышали крик; а по возвращении из конторы, встретив над[ворного] совет[ника] Смолина¹⁴, пошли с ними¹⁵ смотреть, что делается. Во-первых стояли близ Гороховой улицы и потом пошли¹⁶ чрез Исаакиевский мост, где несколько остановились в квартире¹⁷ купца Сапожникова¹⁸, оставались тут до выведения¹⁹ Финляндского полка и в то время¹⁹ ниже мосту чрез Неву перешли и переулком пришли // (л. 12 об.) домой, где и обедали. В 7-м часу вечера пошел я к Рылееву¹², коего спрашивал, был ли он там; он сказал, что ездил токмо уговаривать Финляндский полк, а²⁰ более нигде не был. Вскоре сюда вбежали с шумом Пущин²¹ и Каховский²¹, говоря, что все пропало, и токмо начали объяснять о действии мужиков, как вдруг вбежал подполков[ник] Батенков²¹, спрашивая: «Ну, что?» Тогда Пущин²¹ обратился к нему с укоризною, а Батенков²¹, меня заметя²², бросился назад, тогда²³ я ушел в другие двери²⁴. Здесь возвратился я на квартиру²⁵ и с тех пор никого более из членов не видал²⁶, кроме [господи]на Растворцева²¹, коего ежедневно посещал в болезни его²⁷. Через пять дней я уехал в дилижансе в Москву.

Приехав в сию столицу, виделся я токмо с одним Семеновым²¹, коему все рассказал. // (л. 13 об.)

Он мне говорил, что теперь должен он страшиться, что, конечно, его возьмут, ибо он был секретарем всех тайных обществ²⁸. Третьего числа был я взят полицеймейстером и привезен под стражою суда²⁹.

Смею токмо³⁰ поставить на вид, что во все время никакого участия прямого я не брал в сем деле, никого в общество не принял и правил оного не распро-

¹ Слова «у Рылеева» подчеркнуты карандашом.

² Слово «чем» вписано над строкой вместо зачеркнутого «и что».

³ Слово «их» вписано над строкой вместо зачеркнутого «мне».

⁴ Далее зачеркнуты слова «я бы».

⁵ Слово «Располагая» написано по зачеркнутому слову.

⁶ Далее зачеркнуто: «во врем.».

⁷ Далее зачеркнуто: «пошел».

⁸ Далее зачеркнуто: «токмо».

⁹ Далее зачеркнуто: «тем».

¹⁰ Далее зачеркнуто: «же».

¹¹ Слова «туда же ходил» вписаны над строкой.

¹² Фамилия подчеркнута карандашом.

¹³ Далее зачеркнуто: «и».

¹⁴ Далее зачеркнуто: «на».

¹⁵ Слово «пошли» вписано над строкой.

¹⁶ Слово «квартире» вписано над строкой вместо зачеркнутого «доме».

¹⁷ Фамилия подчеркнута карандашом, далее зачеркнуто слово «где».

¹⁸ Слово «выведения» вписано над строкой вместо зачеркнутого «пришествия».

¹⁹ Далее зачеркнуто: «вышли мы».

²⁰ Далее зачеркнуто: «более», ошибочно написанное дважды.

²¹ Фамилия подчеркнута карандашом.

²² Далее зачеркнуто: «хотел выйти вон как сам».

²³ Далее зачеркнуто: «ж..

²⁴ Далее зачеркнуто: «но как».

²⁵ Слова «на квартиру» вписаны над строкой вместо зачеркнутого «домой».

²⁶ Далее зачеркнуто: «по».

²⁷ Далее зачеркнуто: «и».

²⁸ Слова «говорил, что теперь должен он... всех тайных обществ» подчеркнуты карандашом.

Далее зачеркнуто «В».

²⁹ Далее зачеркнуто: «Вину свою чувствую я во всей силе, и буде».

³⁰ Исправлено.

странял, но что не донес, в том чувствуя вполне свою вину. Повергаюсь к стопам всемилостивейшего государя со всем семейством, предаю себя в полную его высочайшую волю.

Все по сущей истине показал, отставной подполковник барон Владимир Иванов сын Штейнгейль¹.

Генерал-адъютант Левашов // (л. 16)

№ 4 (4)²

1826 года февраля 7-го дня в присутствии высочайше учрежденного Комитета³ для изыскания о злоумышленном обществе от отставного г[осподина] подполковника барона Штейнгейля спрошен и показал⁴:

В дополнение первого показания вашего объясните следующее:

1

Присягали ли вы на верность подданства государю императору Николаю Павловичу? Когда и где присягали?

2

Кто из членов начально подал мысль о основании тайного общества? Какие причины родили мысль сию? Каким образом между членами общества возрастили и вкоренились республиканские мнения и что в особенности // (л. 16 об.) побудило вас вступить в сочлены сего общества?

3

В чем именно заключалась цель общества, *объявленная* всем членам и *сокровенная*, известная только некоторым, а равно и меры к достижению того предположенные?

4

Какие в течение времени общество имело изменения в своих правилах и какие из оного образовались отрасли и где были⁵ центры и отделения их?

5

Кто составлял Коренной совет Думы и управы оного? Кто были члены в начале и впоследствии и кто из них наиболее стремился // (л. 17) к достижению цели общества советами, сочинениями и влиянием на других?

6

Когда и у кого происходили совещания общества обыкновенные и чрезвычайные и что было предметом оных?

7

В чем состояли те пособия и надежды, кои общество имело в виду для исполнения своих намерений? Кто из известных в государственной службе лиц подкреплял своим участием сии надежды?

¹ Последняя фраза от слов «Все по сущей истине...» написана В. И. Штейнгелем собственноручно.

² Вверху листа пометы чернилами: «Читано 12 февраля» и карандашом: «10 полу[ченено].

³ Слово «Комитета» вписано над строкой.

⁴ Так в подлиннике.

⁵ Слово «были» вписано над строкой.

Когда общество предполагало начать открытые действия свои, какими средствами // (л. 17 об.) думало оно преклонить на свою сторону войска и произвести революцию и что в сем случае замышляло употребить противу священных особ августейшей царствующей фамилии? Кто какие делал о том предложения и кто одобрял их?

У Муравьевых, у фон Визина и у прочих весьма часто происходили совещания о составе конституции, о видах общества, о средствах и действиях оного. Здесь также рассуждалось о преимуществе республиканского правления и о необходимости извести всю царствующую фамилию. Объясните все сие подробно, показав, кто¹ какие подавал мнения и кто принимал // (л. 18) особенное участие в намерениях общества и имел влияние на успех действий оного.

Вследствие тех решительных совещаний некоторые из членов тогда же подготовили проекты конституции. У кого вы их видели, кто сочинял их и в каком духе они были написаны?

Между тем в 1817 г.² члены общества под председательством Александра Муравьева замышляли было покуситься на жизнь покойного государя. О сем происходили совещания также у Муравьевых и фон Визина. Жребию надлежало избрать убийцу, но Якушкин сам на то вызвался, и вызов его былтвержден общим согласием. Все сие подробно вам известно ли? // (л. 18 об.) Объясните, какие причины родили сие ужасное намерение? Кто разделял оное и каким образом Якушкин хотел совершить злодеяние?

В 1821 году некоторые из членов сделали положение о мнимом уничтожении общества с тем единствено намерением, чтобы отдалить от себя ненадежных членов и упрочить безопасность и твердость своего существования. Объясните, кто еще кроме вас знал о настоящем намерении сего мнимого уничтожения общества?

После того, как общество приняло решительный характер своего существования, в каких отношениях вы были с Якушкиным, Пестелем, // (л. 19) князем Трубецким, Артамоном, Матвеем и Сергеем Муравьевыми, Бестужевым-Рюминым и Повало-Швейковским? Где и у кого бывали с ними на совещаниях и о чем именно относительно намерений общества были сии совещания?

Что и от кого известно вам о сношениях Южного общества с польскими, туже цель имеющими, и не имели ль вы³ с ними личных сношений?

От кого и что вы слышали о новых покушениях на жизнь покойного государя императора прежде членов Южного общества в бытность его величества в 1823 году в Бобруйске, потом во время пребывания государя в Таганроге в минувшем // (л. 19 об.) году и, наконец, в то же время капитана Якубовича?

¹ В подлиннике ошибочно написано «что».

² Слова «в 1817 г.» вписаны над строкой.

³ Слово «вы» вписано над строкой.

От кого и когда именно узнали вы о намерениях членов здешнего общества произвестъ неустройство, исполненное 14 декабря? У кого и когда бывали вы на совещаниях о том? Какие обществом были сделаны распоряжения к открытию действий 14 декабря, кому и какие сделаны были поручения? Какими убеждениями думало увлечь войска и что замышляло употребить противу начальства и священных особ царствующей фамилии?

Объясните все, что известно вам о происходившем 14 декабря неустройстве и о лицах, в оном участвовавших.

Кроме того, вы должны по чистой совести и без всякой утайки изложить как собственные действия свои в духе тайного общества с показанием когда и кого вы приняли в члены онаго, так и все то, что известно вам о составе тайных обществ и их намерений и действий и лиц, к ним принадлежащих.

Г[енерал]-адъютант Бенкendorf // (л. 20)

№ 5 (5)¹

1826 года февраля 9-го дня на заданные мне в 7-й день сего месяца от присутствия высочайше учрежденного Комитета для изыскания о злоумышленном обществе вопросные пункты, сим имею честь ответствовать следующее:

На 1-й) В верности подданства государю императору Николаю Павловичу я присягал 16 или 17 числа декабря здесь, в Петербурге, в алтаре церкви Вознесения Христова пред обеднею и помню, что присяжный лист, по коему производил присягу, подписан мною третьим или четвертым.

На 2-й) Кто подал первую мысль об основании тайного общества и от каких причин родилась мысль сия, мне совершенно неизвестно. Помню только, что г[осподин] Пущин сказал мне однажды, что он принял г[осподина] Рылеева и прежде его принадлежал к обществу. Посему не могу объяснить и того: каким образом возрастили и вкоренились республиканские мнения между членами общества, из коих, кроме упомянутых двух, до самого последнего времени никто мне не был известен². Сколько я по моим наблюдениям судить могу, то республиканским мнениям общество должно было естественно произойти от распространения либеральных идей в России вообще, а сему последнему способствовали, во-первых, образование и воспитание, какое в течение 24 лет давалось юношеству в университетах, университетских и частных пансионах и потом преимущественно в лицее; во-вторых, перевод и издание книг, особенно в начале царствования в бозе почившего императора и, в-третьих, бытность многих во Франции и Германии, к чему присоединился и самый пример иностранных держав в происшествиях 820 года. Следствия очевидны: ибо мы видим, что большая часть молодых людей, образованными называющимися, напитаны духом равенства даже с самыми родителями, неуважением к старшим летами и чинами и непочтительностью к самому нежному полу. Весьма еще недавно покойный генерал Уваров вынужден был формальными приказами напоминать гвардии офицерам о правилах вежливости и приличия. Наконец, изгнание иезуитов, происшествия в Вильненском и Казанском университетах и в пансионе С.-Петербургского университета, // (л. 20 об.) что иное означают, как не то, что правительство само стало замечать зло, в ученье юношества вкравшееся.

¹ Вверху листа карандашом поставлен крест.

² Три строки от слов «возрастили и вкоренились...» отчеркнуты на полях карандашом и отмечены знаком «NB».

С другой стороны, Комитету должно быть весьма небезызвестно, что с учреждения министерств правительство вообще действовало в том духе, чтобы распространением просвещения приуготовить Россию к принятию¹ конституционных начал. От Министерства внутренних дел издаваем был журнал, в котором помещались весьма свободные статьи и которым публика приучалась судить о действиях правительства. Потом несколько лет существовал «Дух журналов» в качестве оппозиционного периодического издания, в котором печатались весьма сильные опровержения против распоряжений правительства, защищаемых министериальною газетою «Северной почтою». Между тем прекращение пожалования крестьян в крепостное состояние, открытие нового состояния свободных хлебопашцев, повторенное несколькими указами поощрение к отысканию свободы, обнародованные правила вывода крестьян из рабского состояния в остзейских провинциях и дарованные конституции Польше и Финляндии были существенным к той же цели воспособлением. Итак, по совести заключаю, что во всем этом скрывается истинный источник, из коего республиканские мнения обильно излились во всю Россию. Что касается до побуждения, присоединившего меня к обществу, то честь имею объяснить следующее: я — воспитанник Морского корпуса, последних лет Екатерины Великой и первых блаженной памяти государя Павла Петровича и притом 11 лет служил офицером во флоте в такое еще время, когда соблюдалась самая строжайшая субординация даже в частном обращении, следовательно, либеральные идеи не могли быть основанием моего образования, но в течение 27 лет, как я офицером, девять лет я провел в Сибири и 4 года включительно в Охотске и Камчатке, из коей возвращался в Петербург и паки ездил // (л. 21) в Иркутск и обратно; потом имел случай быть в Астрахани и других южных губерниях; следовательно, имел возможность узнать Россию и приглядеться ко всему, что препятствует благосостоянию народному. Управление всеми делами при покойном граве Тормасове в Москве по военной и гражданской частям открыло мне еще более. Не быв от природы холодным эгоистом и не считая любовь к отечеству простым идеалом, пригодным только на случай надобности, я раздражался и скорбел сердцем от всего, что видел и слышал, а потому сознавалось пред Комитетом, пред государем, пред целым светом, как пред богом, что не мог не привлечь мыслью к изящности такого правления, которое бы обеспечивало личную безопасность и достояние равно последнего гражданина, как и сильного вельможи, а с тем вместе само в себе заключало бы гарантию незыблемости государственных постановлений. Я благословлял в душе моей монарха, когда прочел в речи его величества, говоренной на первом Варшавском сейме, обнаруженное намерение готовить и Россию к принятию такой же конституции. Какие чувства питал я к государю, засвидетельствовать может заготовленное мною письмо к московскому дворянскому собранию от неизвестного лица по случаю злоумышления на его особу в Голландии, которое должно быть в моих бумагах и которое потому только осталось без действия, что «Северная почта», объявившая о сем происшествии, поспешила опровергнуть справедливость оного. Но в последние пять лет, когда после вожделенного мира, толикими со стороны России усилиями и пожертвованиями приобретенного, начал обнаруживаться постепенный упадок дворянства, расстройство торговли и купечества, разорение крестьян, а с другой стороны, растление нравов образуемого юношества и развращение простого народа, то не трудно уже стало предвидеть, к чему клонится Россия. Я даже говорил с некоторыми отцами семейств, что не могу // (л. 21 об.) смотреть равнодушно на детей моих, воображая, что им приведется пить горькую чашу зол, если мы сами до того не доживем. Вот истинные мысли и чувствования, которые быличиною, что я даже с некоторым удовольствием услышал в первый раз от [господина] Рылеева о существовании общества. Исследывая совесть свою, я погрешил бы противу истины.

¹ Слово «принятию» вписано над строкой.

если бы не сознался пред Комитетом, что в удовольствии сем участвовало и оскорбленное мое честолюбие. Я, как и всякий человек, знал себе цену, чувствовал свои способности, чувствовал, что мог бы быть полезен для отечества и для службы в особенности; но видел себя уничиженным, заброшенным, без всякой существенной вины моей, оттого токмо, что такому врагу, как г[осподин] Шульгин, нынешний здешний обер-полицмейстер, удалось в 1817 году очернить меня пред всеми, свиту государя тогда составлявшими, и особенно пред бывшим начальником Главного штаба, ибо он, злобствуя на меня за частые выговоры и замечания, какие получал от покойного графа Тормасова, говорил всем к оскорблению моего начальника, что я им владею и знаю, что хочу. Я сделался предметом общих разговоров; это дошло до государя и навсегда потеряло меня в его мыслях, так что никакие просьбы, никакие представительства не были сильны приклонить его величество к милосердию. Осмеливаюсь в том сослаться на его сиятельство князя Александра Николаевича Голицына.

На 3-й) Какая цель общества объявлена была всем членам, я не знаю, тем менее известна мне *сокровенная*; знаю только то, что объявил мне г[осподин] Рылеев. Он мне сказал, что цель общества состоит в том, чтобы принудить государя дать Конституцию, что петербургские члены хотят монархическую, а во второй армии демократическую; «но это вздор, примолвил он, это невозможно»¹ // (л. 22). С тем вместе он мне объяснил только то, что общество старается о приготовлении умов и о распространении желания перемены; что надежды основаны на неудовольствии гвардии, но что решительного положения о том, как и где исполнить намерение, еще не сделано.

На 4-й) Об изменениях общества, об отраслях, о центрах и отделениях я ничего не знал и теперь не знаю. Однажды только в 1824 году г[осподин] Рылеев мне сказывал, что общество давно уж составилось; но *Семеновская история расстроила*: некоторые испугались и объявили, что не хотят принадлежать к обществу. Рылеев заключил сей рассказ сими словами, кои остались у меня в памяти: «Да оно и лучше, знаешь, что которые послабее характером, вышли; тем безопаснее».

На 5-й) О составлявших Коренную совет Думы и управы, о членах и о взаимных их действиях мне ничего не было открыто. Г[осподин] Рылеев мне сказал только, что в Петербурге существует Комитет². А когда я предваряя его, что орудием ничьим я быть не могу и не хочу, просил, чтобы он, если хочет видеть меня действительным членом, объявил мне все, то он мне сказал: «Этого теперь нельзя, это запрещается, но я *представлю* тебя одному из членов Комитета». Однако ж тем кончилось, что я уехал в Москву, не видав никого. При расставании, он меня просил познакомиться с Пущиным, сказав, что: «Он тебе все расскажет»; но свидетельствуюсь самим Пущиным, что я от него, кроме Конституции, ничего более не узнал.

На 6-й и 7-й) О времени и местах совещаний, равно как и о надеждах и пособиях, ничего не знаю³. Относительно лиц, известных в государственной службе, подкреплявших своим участием надежды общества, ничего, кроме показанного мною относительно // (л. 22 об.) господ Сперанского и Орлова, не знаю. Припомню однако же, что г[осподин] Рылеев не однажды вспоминал об обер-прокуроре Столыпине⁴. «Вот был человек,— говорил он,— как жаль, что умер!» Кроме сего, в последнее время, помнится мне, что он мне однажды сказал: «Сходить было к Мордвинову, попробовать его, что скажет». Но был ли и говорил ли что, мне уже не случилось о том слышать.

¹ Три строки от слов «принудить государя дать Конституцию...» отчеркнуты на полях карандашом и отмечены знаком «NB».

² Три строчки от слов «о членах и о взаимных их действиях» отчеркнуты на полях карандашом и отмечены знаком «NB».

³ Две строки от слов «На 6-й и 7-й...)» отчеркнуты на полях карандашом и отмечены знаком «NB».

⁴ Фамилия подчеркнута карандашом.

На 8-й) На сей пункт кроме того, что сказал на 3-й и что буду иметь честь объяснить на 16-й, показать более ничего не имею.

На 9-й) Обстоятельство, в сем пункте изображенное, было до сих пор совершенно для меня тайною; а потому и сказать ничего не могу.

На 10-й) Конституцию монархическую давал мне прочесть г[осподин] Пущин¹ в Москве и просил притом сделать на нее замечание, но я ему возвратил чрез день, не сделав ни одного, ибо она мне показалась, как я то и Пущину¹ сказал, совершенно неудобною², написанною по иностранным идеалам, а не по настоящему положению России. Свидетельствуюсь г[осподином] Пущиным, что, говоря с ним о сем предмете, я утверждал и доказывал, что Россия не готова еще к чрезвычайным переменам правительства, что конституция дана быть может только высочайшею властью, что всякое насильственное предприятие произведет³ всеобщее возмущение и все ужасы безназначания; представлял ему в особенности Москву, где считается 68 тысяч⁴ народа в услуге находящегося, готового на все неистовства, как скоро прорвется оплот повиновения властям — и чего тогда ожидать нам, отцам семейств, — насилия жен, дочерей? Одна мысль о сем приводила меня в трепет — и он соглашался тогда со мною. // (л. 23)

На 11-й) Обстоятельство, изложенное в сем пункте, совершенно для меня ново, и лица в нем упоминаемые вовсе неизвестны.

На 12-й) Кроме сказанного на 4-й пункт, ничего показать более не имею.

На 13-й) Ничего не знаю и о том, когда общество приняло решительный характер; все лица, упоминаемые в сем пункте, мне совершенно неизвестны, кроме князя Трубецкого⁴, которого узнал за несколько дней до последнего происшествия. О Пестеле⁴ только слышал от г[осподина] Рылеева, что он находится во второй армии и человек с головою и характером.

На 14-й) Г[осподин] Рылеев⁴ мне сказывал, что между второю армию (он всегда так выражался) и Польшей есть сношения, но более ничего не объяснил.

На 15-й) О капитане Якубовиче⁴ г[осподин] Рылеев⁴ мне сказывал, что он имел личную злобу на государя, хотел покуситься на жизнь⁵ его величества⁶ и что скрежетал зубами, когда пришла весть о кончине монарха, но более сего я ничего не знаю. С Якубовичем вовсе не был знаком, даже, встречаясь, не кланялся с ним и не говорил.

На 16-й) После упомянутого в 10 пункте объяснения с г[осподином] Пущиным, мы если и видались, то говорили более о делах до судопроизводства касающихся, в которых он иногда просил моих советов и замечаний. Дело общества было совсем забыто. Приезд г[осподина] Семенова, с которым Рылеев и он меня познакомил, не доставил никаких особых сведений и не произвел никакого действия. В конце сентября месяца, когда я, по недоверенности моей к учебным заведениям в Москве относительно соблюдения нравственности, решился трех подросших своих сыновей везти в С.-Петербург, // (л. 23 об.) г[осподин] Пущин при прощании сказал мне, смеясь: «Узнайте, пожалуйста, что там поделывают наши либералы, да познакомьтесь с князем Оболенским⁷. Приехав в Петербург и остановясь у г[осподина] директора Российско-американской компании Прокофьева⁷ и, следовательно, в одном доме с г[осподином] Рылеевым, я тотчас увиделся с ним и передал ему вопрос г[осподина] Пущина⁷. Он мне ничего не сообщил, кроме того, что общество дейст-

¹ Фамилия подчеркнута карандашом.

² Пять строк от слов «На 10-й) Конституцию монархическую...» отчеркнуты на полях карандашом и отмечены знаком «NB».

³ Шесть строк от слов «Свидетельствуюсь г[осподином] Пущиным...» отчеркнуты на полях карандашом и отмечены знаком «NB».

⁴ Фамилия подчеркнута карандашом.

⁵ Далее зачеркнуто: «спокойного».

⁶ Три строки от слов «На 15-й) О капитане Якубовиче...» отчеркнуты на полях карандашом и отмечены знаком «NB».

⁷ Фамилия подчеркнута карандашом.

вует и усиливается. «Вот увидим,— сказал он,— как возвратится государь, что-нибудь да предпримет. Во второй армии горячились было и хотели, чтобы не откладывать; но их остановили: нужно еще погодить». Занявшись определением детей моих, я даже редко и то на короткое время видался с ним. Около половины уже ноября, не прежде, будучи приглашен с Рылеевым¹ к меньшому Ростовцеву¹ на чтение отрывка из сочиняемой им трагедии «Пожарский», изготовленного для помещения в «Полярную Звезду», я увидел тут в первый раз князя Оболенского¹ и познакомился с ним. Впрочем, кроме упомянутого отрывка и прочтенного потом Рылеевым пролога к его трагедии «Хмельницкий», другого предмета разговора не было. Я располагался уже² в последних числах ноября ехать в Москву, как вдруг 27 числа рано поутру Рылеев прислал ко мне записку, чтобы я пришел поговорить о болезни государя. Меня это удивило; я был занят, однако ж и потом не пошел к нему. Вскоре он сам пришел и сказал, что сомневаются в самой жизни государя; пошел узнать о сем и, возвращаясь в 12 часу, сказал: «Кончено, государя более нет; присягают Константину Павловичу». Ввечеру он мне рассказал подробно, что происходило в Совете и во дворце, и между прочим говорил: «Теперь нечего, солдаты преданы цесаревичу; надобно остановиться в предприятиях³ и посмотреть, что будет». Что касается до меня, должен по совести сознаться, что восществою на престол // (л. 24) цесаревича обрадовался. Знакомство с юных лет с Колзаковым¹ и прязнь с Гинцом¹, при его высочестве находящимися, возродили во мне приятные надежды, и как разнесся слух, что новый государь чрез несколько дней будет, я решился — к моему чрезмерному несчастию — остаться⁴ в Петербурге. Тайна, какая соблюдалась при дворе, различные толки и догадки публики подстрекали любопытство, и я стал учащать⁵ каждодневно [господина] Рылеева, который обо всем получал верные сведения⁶. До 12 числа, однако же, не приметно было никакого особенного движения в навещавших его членах общества, ибо он был болен. Но тут открылось решительно, что цесаревич отказывается и что ныне царствующий государь воспринимает престол. Уверенность, что государь нелюбим в гвардии и что она неохотно присягнет, приметно возбудила умы и сердца. Начались частые приезды к [господину] Рылееву и рассуждения. Я заметил, что Александр Бестужев и Каховский, которого в это только время узнал, были пламенными террористами. Помнится мне, что именно 12 числа, пришед к Рылееву, я застал Каховского⁷ с Николаем Бестужевым говорящими у окошка, и первый сказал: «С этими филантропами ничего не сделаешь; тут просто надобно резать, да и только; иначе, если не согласятся, то я первый пойду и сам на себя все объявлю». Я в тот же вечер сказал о сем Рылееву с укоризною, и он мне отвечал: «Не беспокойся, он так только говорит. Я его уйму; он у меня в руках». В это же время он мне объявил, что для лучшего действия князя Трубецкого⁷ избрали диктатором. Впрочем, я нигде на совещаниях не был и ни у кого, кроме Рылеева⁷, с которым с одним только и говорил, всегда убеждая в одном и том же, что если цель общества есть свобода отечества и водворение // (л. 24. об.) прочного порядка, то неприлично дело только святое начинать беспорядками, бесчинством и кровопролитием. Насчет даже намерений против царской фамилии я представлял ему⁸ благородный пример Швеции, и он, казалось, во всем соглашался со мною и уверял, что до крово-

¹ Фамилия подчеркнута карандашом.

² Слово «уже» вписано над строкой.

³ Слово «предприятиях» написано сверху по другому слову.

⁴ Пять строк от слов «цесаревича обрадовался...» отчеркнуты на полях карандашом и отмечены знаком «NB».

⁵ Так в подлиннике.

⁶ Слова «[господина] Рылеева, который обо всем получал верные сведения» подчеркнуты карандашом.

⁷ Фамилия подчеркнута карандашом.

⁸ Три строки от слов «прочного порядка, то неприлично дело...» отчеркнуты на полях карандашом и отмечены знаком «NB».

пролития не дойдет и не допустят. Накануне 13-го числа он мне объявил, что Ростовцев¹ предварил государя, и показал мне его черновое письмо и самый разговор его с государем, кои Ростовцев ему доставил, вероятно, для того, чтобы их остановить. Я спросил: «Что вы теперь думаете, неужели действовать?» «Действовать непременно,— отвечал он,— Ростовцев всего, как видишь, не открыл, а мы сильны, и отлагать не должно». Повечеру к Рылееву собрались многие и не все вдруг, но приходили и уходили. Я, сколько могу упомянуть, видел тут князей Трубецкого¹ и Оболенского¹, трех² Безстужевых¹, графа Коновницына¹, князя Одоевского¹, лейтенанта Гвардейского экипажа, если не ошибаюсь, Арбузова¹, капитана Репина¹, свитского³ офицера⁴, тоже если не ошибаюсь, Корниловича⁵, из коих некоторых увидел в первый раз, а других узнал в течение последних дней, без ознакомления, впрочем, с ними. Были также Пущин⁵ и Каховский⁵. Пущин ручался за своего брата и за некоторых офицеров конной артиллерии, что они дали слово не присягать. Между прочим рассказывал, что Финляндского полка полковник Моллер⁵ отказался от содействия, сказав: «С чего вы взяли полагать на меня, что я соглашусь?» Это приметно несколько обеспокоило некоторых, но вошедший Репин⁵ заверил, что за часть полка Финляндского он отвечает. Бестужев Николай и лейтенант Арбузов отвечали за Гвардейский экипаж; Бестужев Московского полка за свою роту⁶. // (л. 25) Корнилович, если это точно он, высокий, белокурый, торжественно уверял, что во второй армии сто тысяч готовы и что он ручается головою. Когда уверились в силе, положено солдат возбудить тем, что их обманывают и что цесаревич не отказывается, что он здесь даже и заперт в Сенате и потому определено вести на Сенатскую площадь. Против особы государя приметно восставал князь Оболенский; Бестужевы, Каховский и, наконец, сам Трубецкой требовали как необходимости, чтобы принести его на жертву, но сей⁷ последний полагал, что надобно оставить Александра Николаевича, чтобы его объявить императором. Другие говорили, что можно ограничиться арестом, вообще все говорили и мало слушали. Князь Одоевский⁸, с пылкостью юноши, твердил только: «Умрем! Ах, как славно мы умрем!» О царской фамилии Рылеев⁸, помнится, кончил споры тем, что обстоятельства сами покажут, что делать будет должно. Наконец, сказали, чтобы все шли по своим местам и готовились, остался один князь Трубецкой⁸. Он был в немалом смущении и говорил Рылееву⁸ тихо, что «если увидим, что на площадь выйдут мало, рота или две, то мы не пойдем и действовать не будем», с чем и Рылеев согласился. Вот все, что, по чистой моей совести⁹, я в тот день и в предыдущие видел и слышал и чего был свидетель¹⁰. Богу-сердцеведцу известно, что, соображая предварение государя с приметною как бы неохотою князя Трубецкого и с необдуманною, юношескою пылкостью молодых заговорщиков, я полагал умысел несбыточным¹¹. Поутру, написав к жене письмо, я пошел на почту и зашел к Рылееву⁸, у коего застал Пущина, который рассказывал, что к нему прибе-

¹ Фамилия подчеркнута карандашом.

² Слово «трех» вписано над строкой вместо зачеркнутого «двух».

³ Против трех строк от слов «Трубецкого и Оболенского, трех Безстужевых...» на полях поставлен крест чернилами.

⁴ Слова «свитского офицера» подчеркнуты карандашом.

⁵ Фамилия подчеркнута карандашом.

⁶ Две строки от слов «и лейтенант Арбузов отвечали...» отчеркнуты на полях карандашом и отмечены знаком «NB». Слова «Бестужев Московского полка за свою роту» подчеркнуты карандашом.

⁷ Четыре строки от слов «Против особы государя...» подчеркнуты карандашом. Против них на полях поставлен крест чернилами.

⁸ Фамилия подчеркнута карандашом.

⁹ Далее зачеркнуто: «что».

¹⁰ Четыре строки от слов «не пойдем и действовать не будем...» отчеркнуты на полях карандашом и отмечены знаком «NB».

¹¹ Три строки от слов «как бы неохотою князя Трубецкого...» отчеркнуты на полях карандашом и отмечены знаком «NB».

жали двое конной // (л. 25 об.) артиллерии офицеров, кои ушли из-под ареста, но что он их отоспал обратно, не имея в них нужды, когда они без людей¹. В это самое время взошел Ростовцев и с торопливостью сказав, что большая часть гвардии присягнула, ушел: Я сказал: «Слава богу», — и как Рылеев недоумевал, будет ли что от заговорщиков, то я еще более успокоился и пошел в почтамт к коллежскому советнику Дружинину, к которому вошел в самое то время, когда конная гвардия выходила из манежа. Не застав Дружинина, я пробыл более часу у его супруги и потом пошел взять дилижанс для отправления в Москву, как то в первом моем² допросе подробно показал сущую истину.

На 17-й) Все, что мне известно было о происшествии 14 декабря, я объяснил в первом допросе и в пояснительных ответных пунктах; более же ничего прибавить не имею.

На 18-й) Как пред самим богом, по сущей истине и чистой совести, объявляю, что я лично в духе тайного общества ни в каком отношении, ни на кого не действовал и ни одного человека³ в члены общества не приобрел, и сам вижу в себе более свидетеля, не хотевшего изменить доверенности, нежели соучастника; но тем не менее чувствую важность⁴ преступления против закона. Чрез московского военного генерал-губернатора можно узнать о моем поведении; будучи любим и счастлив в своем семействе, я вел жизнь уединенную, едва есть три, четыре дома, кои изредка только навещал, будучи, впрочем, известен многим и пользуясь, смею сказать, общим уважением. Самые письма, в бумагах моих взятые, ко мне разными особами писанные, // (л. 26), в том числе и от людей известных, наполнены все или уверением в уважении или благодарности за одолжения. Вообще, в гражданском отношении, я вел себя всегда как свойственно честному благородному человеку. Если я что писал, то писал в поощрение нравственности, добродетели и для⁵ блага моего отечества. Печатные сочинения мои «Записки о походе С.-Петербургского ополчения» и «Опыт о времесчислении» засвидетельствовать то могут. Из непечатанных «Нечто о наказании» я написал по случаю тайного комитета, бывшего в Москве 1817 года для совещания об уничтожении кнута, в сей пьесе, которая через Николая Николаевича Новосильцева представлена была государю, я объяснил зло, существующее в нашем уголовном судопроизводстве; «Рассуждение о законе на богохульников» написал я по поводу одного несчастного раскольника, который за хулу на св[ятого] Дмитрия Ростовского был осужден к наказанию кнутом с вырезанием ноздрей и к ссылке в каторжную работу, но по докладу графа Тормасова государем отдан на церковное покаяние только; я уверен, что если бы сам святейший Синод рассмотрел сии мысли мои, то нашел бы их совершенно согласными с духом⁶ христианской веры и с правилами истинного человеческого любовью к отечеству и добродетели⁷; в нем я объяснил ужасный подрыв нравственности оттого, что по нашему Городовому положению все права даны деньгам, а не лицам, и всякий бесчестный богач предпочтен честнейшему бедняку — пьесу сию я представлял графу Аракчееву, который возвратил мне при собственноручной записке по ненадобию в ней. // (л. 26 об.)

«Патриотическое рассуждение о причинах упадка торговли» написано мною тоже по желанию блага обществу, по сей пьесе [господин] Мордвинов пожелал

¹ Пять строк от слов «Пущина, который рассказывал...» подчеркнуты карандашом.

² Четыре строки от слов «когда конная гвардия выходила...» отчеркнуты на полях карандашом и отмечены знаком «NB».

³ Три строки от слов «истине и чистой совести...» отчеркнуты на полях карандашом и отмечены знаком «NB».

⁴ Две строки от слов «более свидетеля, не хотевшего...» отчеркнуты на полях карандашом и отмечены знаком «NB».

⁵ Слово «для» вписано над строкой.

⁶ Слово «духом» вписано над строкой.

⁷ В подлиннике ошибочно «добродели».

узнать меня лично и доставил ее министру финансов. Наконец, о «Легкой возможности уничтожить в России торт людьми» я написал потому, что в бытность в Астрахани слышал, как покупают людей в Макарьевской ярмарке¹ на имя тамошних дворян из армян и перепродают к туркменцам и далее, разлучая детей от матерей и тому подобное. Пьесу сию я представил покойному государю². Все сие осмеливаюсь представить Комитету, если не в оправдание, по крайней мере, в доказательство, что ни по чувствам, ни по правилам, ни по образу мыслей я не походил не только на злодея — ниже на злобного и жестокосердного человека. О тайных обществах³ никакого сведения не имел и не имею, и сам никогда ни к какой масонской ложе не принадлежал. Даже в Москве, когда с высочайшего соизволения 30 августа 1816 года открыта была ложа у Розенштрауха, который доставил мне и все печатные⁴ правила и желал, чтобы я был членом, но я не вступил, воздерживаясь от того по трем причинам. В 1813 году, когда я был дежурным штаб-офицером по Новгородскому ополчению, которого временным начальником был действительный камергер Жебрецов — гран-метр одной из лож С.-Петербургских, то я получил невыгодное мнение о масонах вообще. Притом сколько я читал и слышал, то они разделялись на два рода: // (л. 27) на людей обманывающих и на людей обманываемых; в первых казалось быть противу совести, во вторых — уничтожительно. Наконец, я находил, что давать клятву на исполнение правил неизвестных и притом подвергать себя испытаниям, похожим на шуточные, противно человеку здравомыслящему.

Объяснив все, что мог, по чистой моей совести, предаю участь мою и со мною трех семейств, коих я составляю единую опору и надежду, великодушному представительству Комитета пред всемилостивейшим государем императором.

К сим ответным пунктам отставной подполковник и кавалер⁵ барон Владимир Иванов сын Штейнгейль руку приложил⁶.

Генерал-адъютант Бенкендорф // (л. 28)

№ 6 (6)⁷

1826 года 8 марта высочайше учрежденного Комитета [Господину] отставному подполковнику барону Штейнгейлю вопросный пункт.

Комитету известно, что поутру 14 декабря в квартире Рылеева в бытность Трубецкого вы между прочим произнесли: «Пойду дописывать манифест, он у меня в голове, но кажется, пролежит в кармане». Объясните:

а) По какому поводу приняли вы на себя составление манифеста: по собственному желанию или по поручению членов общества и на чем основано было убеждение ваше в необходимости заблаговременного приготовления манифеста?

б) По окончании где оставили вы оный или кому передали?

с) В чем именно состоял сей манифест? Впрочем, Комитет, полагаясь на искренность ваших показаний, требует от вас представления означенного манифеста в том совершенно виде, в каком он был приготовлен вами с пояснением.

д) При составлении манифеста сего // (л. 28 об.) каким планом вы руководствовались: собственным или обществом предначертанным?

Генерал-адъютант Бенкендорф

¹ Слова «в Макарьевской ярмарке» вписаны над строкой.

² Слова «Пьесу сию я представил покойному государю» вписаны над строкой.

³ Четыре строки от слов «в доказательство, что ни по чувствам...» отчеркнуты на полях карандашом и отмечены знаком «NB».

⁴ Слово «печатные» вписано над строкой.

⁵ Слова «К сим ответным пунктам отставной подполковник и кавалер» скрепляют ответы на каждый пункт: 1-й — «К», 2-й — «сии», 3-й — «от», 4-й — «вет», 5-й — «ны» и т. д.

⁶ Показания написаны В. И. Штейнгелем собственноручно.

⁷ Вверху листа карандашом поставлен крест.

1826 года марта 9-го дня на сей вопросный пункт имею честь совершенно по гласу совести моей ответствовать сущую истину:

На а) Накануне, т. е. 13 числа декабря, рассуждая с Рылеевым наедине о предприятии и убеждая всегда в одной и той же мысли, что не должно никак допускать ни до бесчинства, ни до кровопролития, я говорил ему: «Что может быть благовиднее? Покойный государь оставил престол Николаю Павловичу, но он сам отказался и присягнул цесаревичу, сказав, что не готов к понесению такого бремени (это мне Рылеев рассказывал еще 27 ноября). С ним единодушно присягнула и вся Россия, но цесаревич отрекся, пренебрег присягу всех россиян и даже не удостоил поблагодарить за усердие. Все это можно будет сказать в Манифесте от Сената». Рылееву эта мысль понравилась, и он мне сказал: «Напиши, пожалуйста, на всякий случай»¹. Я сказал: «Хорошо» — и вот истинный повод, клянусь, что не другой какой². Поутру 14-го, встав рано, я действительно набросал свои мысли³ на бумагу и, не докончив, сходил вниз к Рылееву на минуту, чтобы узнать, что у них делается, и заставят Трубецкого. (Теперь призываю бога-сердцеведца во свидетели, что встреча с Трубецким вышла из моей памяти совсем; мне казалось, что я один раз поутру был у Рылеева, но теперь вспомнил, что точно я два раза у него был). Сказав вышеиспанные // (л. 29) в вопросном пункте слова, я пошел наверх и дописал Манифест, который и снес к Рылееву прочесть. Тут был один только Пущин, который, как я теперь вспомнил, рассказывал Рылееву, что к нему прибежали два офицера конной артиллерии, которых начальник арестовал, но они выломали в комнате дверь и ушли и что он им сказал, что без людей в них надобности нет и отоспал их назад к своему месту, дабы напрасно не погибли. Когда он кончил, я прочитал им Манифест, мною сочиненный⁴, и только что я его дочитывал, как взвошел молодой Ростовцев и сказал, что большая часть гвардии уже присягнула. Когда он ушел, я сказал Рылееву: «Итак, теперь это уже ненужно», — но он меня просил не рвать⁵.

На б) Я обещал, но, взбежавши наверх, разодрал брульон свой на мелкие куски и бросил в ретрет.

На с) Как пред богом и государем удостоверяю, что настоящих выражений и оборотов, даже самих, какие я тогда поместил в Манифест, не помню. Могу только припомнить, что изложил вышеизъясненную мысль и между прочим сказал, что когда оба великие князя не хотят быть отцами народа, то осталось ему самому избрать себе правителя, и что потому Сенат назначает до собрания депутатов Временное правительство из таких-то, о которых, впрочем, не было со мноюговорено. Сожалею теперь, что мне физически уже невозможно исполнить требование Комитета. Я уверен, что можно было бы из сей бумаги удостовериться, по крайней мере, в том, что я не предполагал никакого злодейства в совершении переворота. // (л. 29 об.)

На д) Из всего вышеисписанного Комитет изволит увидеть, что действие мое не было следствием какого-либо плана, а просто случайного разговора. Впрочем, дабы оправдать искренность свою, которую Комитет с милостивым вниманием изволил заметить, не скрою, что мне хотелось показать Рылееву, что чем-нибудь да полезен им мог быть.

К сему ответу отставной подполковник барон Владимир Иванов сын Штейнгель руку приложил⁶.

Генерал-адъютант Бенкendorff // (л. 30)

¹ Слова «на всякий случай» подчеркнуты карандашом.

² Три строки от слов «сказал: «Напиши, пожалуйста...» отчеркнуты на полях карандашом.

³ Слова «я действительно набросал свои мысли» подчеркнуты карандашом.

⁴ Слова «я прочитал им Манифест, мною сочиненный» подчеркнуты карандашом.

⁵ Три строки от слов «и сказал, что большая часть гвардии...» отчеркнуты на полях карандашом.

⁶ Показания написаны В. И. Штейнгелем собственноручно.

№ 7 (7)¹

1826 года 28 марта от высочайше учрежденного Комитета г[осподину] подпоручику Рылееву вопросный пункт².

Между прочим в ответах своих барон Штейнгель говорит, что во время совещаний, бывших у вас накануне 14 декабря, он убеждал вас, что если цель общества есть свобода отечества и возвращение прочного порядка, то неприлично дело, столь святое, начинать беспорядками и кровопролитием. Насчет же императорской фамилии представлял благородный пример Швеции и что вы в том соглашались с ним и уверяли, что до кровопролития не дойдет и не допустят.

Комитет требует показания вашего, точно ли вышеизложенное говорил барон Штейнгель? В противном случае объясните: какого он был мнения при совещаниях членов общества и какие делал предложения при намерениях на 14 декабря?

Г[енерал]-адъютант Бенкendorf

Барон Штейнгель не имел никакой надобности убеждать меня, что неприлично дело свободы отечества и возвращения порядка начинать беспорядками и кровопролитием. Ссылаюсь на всех членов³, бывших на совещаниях, что // (л. 30 об.) я всегда был против кровопролития и беспорядка. Насчет императорской фамилии говорил ли что барон Штейнгель, не помню. Но ему было известно, что цель общества есть введение монархической Конституции, а план действий — вытребование оной посредством Сената и созывание Великого собора, который должен был определить подробности Конституции. Насчет же того мнения⁴, что до кровопролития не дойдет и не допустят, то повторяю, что не я один думал так, но почти все случившиеся на совещаниях, ибо полагали, что солдаты не будут стрелять в солдат, а напротив, еще соединятся с возмущившимися и что тогда посредством силы можно будет сохранить устройство и порядок. Могу утвердительно сказать, что это почти всеобщее мнение и решило нас начать действия. Уверять же барона Штейнгеля, что никак не дойдет до кровопролития, я не мог; ибо это противоречило бы плану общества в случае неудачи ретироваться на поселения. Барон Штейнгель знал, что положено было воспользоваться переприсягою и как это, так и план общества посредством Сената созвать Великий собор и до съезда оного задержать императорскую фамилию, одобрял или, по крайней мере, соглашался на это.

Подпоручик Кондратий Рылеев⁵

Г[енерал]-адъютант Бенкendorf // (л. 31)

№ 8 (8)⁶

1826 года 28 марта от высочайше учрежденного Комитета г[осподину] коллежскому ассессору Пущину вопросный пункт⁷.

Подполковник барон Штейнгель между прочим показал. 1. Что он, по прочтении конституции Муравьева, которую вы сообщали ему, говорил вам, что Россия не готова еще к чрезвычайным переменам, что конституция дана быть может только вышею властью, что всякое насилиственное предприятие произведет всеобщее возмущение и все ужасы безназначания; 2. Что во время совещаний в квартире Рылеева о предприятии на 14 декабря убеждал его, что если

¹ Вверху листа помета карандашом: «30 марта» и поставлен крест.

² Три строки от слов «1826 года 28 марта...» отчеркнуты карандашом на полях.

³ Слово «членов» вписано над строкой.

⁴ Слово «мнения» вписано над строкой.

⁵ Показание написано К. Ф. Рылеевым собственноручно.

⁶ Вверху листа помета карандашом: «30 марта» и поставлен крест.

⁷ Три строки от слов «1826 года 28 марта...» отчеркнуты на полях карандашом.

цель общества есть свобода отечества и возвращение прочного порядка, то не-прилично дело, столь святое, начинать беспорядками и кровопролитием; насчет же императорской фамилии представлял благородный пример Швеции, в чем Рылеев с ним согласился и уверял, что до кровопролития не дойдет и не допустят.

Комитет требует показания вашего по совести: точно ли вышеизложенное было сказано Штейнгелем? В противном же сему¹, объясните, какого мнения был он, как в первом, так² и в последнем случае.

[Генерал-адъютант] Бенкendorf // (л. 31 об.)

По требованию Комитета сим честь имею показать, что действительно барон Штейнгель насчет сообщенной мною ему Конституции говорил мне³ означенные в вопросном пункте слова; относительно же изъясненного им мнения о предприятии 14 декабря и о царской фамилии⁴ объясняю, что я оного не слыхал, но оно должно быть справедливо, потому что согласно с его образом мыслей, сколько он мне известен. К сему показанию коллежский асессор Пущин руку приложил⁵.

[Генерал-адъютант] Бенкendorf // (л. 32)

№ 9 (9)⁶

1826 года, апреля 30-го дня в присутствии высочайше учрежденного Комитета подполковник барон Штейнгель спрашиван и показал:

В дополнение показаний ваших объясните по совести и откровенно ниже-следующее⁷:

1

По одобрению Северной думы Рылеев, имея намерение принять в члены тайного общества некоторых из здешнего купечества с тою целью, чтобы иметь членов и в этом сословии, надеялся достигнуть сего через вас, о чем и говорил с вами.

Объясните: а) На кого именно из здешнего купечества и по // (л. 32 об.) какому поводу Рылеев имел виды?

б) Почему он надеялся достигнуть сего через вас и в чем состоял об оном разговор его с вами?

с) Вследствие того, кто именно и когда был принят им или вами в члены?

2

По словам вашим вы почитали предприятие общества несбыточным и видели в себе более свидетеля, не хотевшего изменить доверенности, нежели соучастника. Но собственное сознание ваше в том, что вы находились // (л. 33) на совещаниях, порицали некоторые мнения членов, подавали советы и подготовили манифест, а тем не менее показания на вас других открывают противное тому:

а) После 6 декабря, когда стали носиться в городе слухи об отречении от престола государя цесаревича, тогда вы вместе с другими членами общества говорили, что сим случаем надо воспользоваться. Это показывает Александр Бестужев и другие.

¹ Слово «сему» написано вместо стертого слова.

² Слово «так» вписано над строкой.

³ Слово «мне» вписано над строкой.

⁴ Слова «и о царской фамилии» вписаны над строкой.

⁵ Показание написано И. И. Пущиным собственноручно.

⁶ Вверху листа карандашом поставлен крест, помета чернилами: «Читано 7 мая».

⁷ Слово «нижеследующее» написано вместо стертого слова.

б) В предварительных совещаниях вы, по словам Рылеева, одобряли план общества, чтобы посредством Сената созвать Великий // (л. 33 об.) собор, а до съезда оного задержать императорскую фамилию.

с) Каховский утверждает, что 12 декабря он говорил, что крови бояться не должно и что члены общества лишь толкуют, а не распоряжаются к действию; и в сем случае вы и Николай Бестужев были одного с ним, Каховским, мнения.

Противу сего требуется от вас чистосердечного и откровенного показания с объяснением того, было ли вам известно, что 13 декабря Рылеев назначил Каховского для нанесения удара государю императору, сказав: «Любезный друг! Я знаю твое самоотвержение; ты сир на сей земле, убей // (л. 34) завтра царя». На вопрос Каховского, какие может иметь к тому средства, Рылеев и Оболенский¹ отвечал[и], чтобы рано поутру, прежде восстания общества, шел во дворец, нарядясь в военный мундир, или убил бы на площади, когда государь выедет. После чего Рылеев, Оболенский, Пущин и Александр Бестужев обняли Каховского.

3

Рылеев говорит, что графа Милорадовича убил Каховский, о чём сам он при вас рассказывал у него, Рылеева, на квартире после происшествия 14 декабря, // (л. 34 об.) причем, вынув окровавленный кинжал, говорил, что он ранил им какого-то свитского офицера, принуждая его кричать: «Ура! Константин!» Еще что-то говорил он, Каховский, об митрополите, но Рылеев не вслушался.

Объясните, точно ли говорил сие Каховский при вас и присовокупите все то, что сверх оного вы от него слышали.

Г[енерал]-адъ[ютант] Бенкендорф

1826 года, апреля 30-го дня. На сии вопросные пункты по чистой совести со всею откровенностью честь имею объяснить следующее.

На 1) Еще в 1824 году Рылеев говорил мне: нельзя ли в Москве приобрести членов между купечеством, которые могли бы быть полезны² пособиями и приготовлением других из своего сословия к свободным правилам, так как в Москве центр всего русского купечества. // (л. 35) Но чтобы он адресовался ко мне по одобрению Северной Думы³, того мне не сказывал. Самое имя сие мне было неизвестно. Хотя после из Конституции я видел разделение на управы под ведением Думы, но полагал, что это только предположение, а что существует уже, не знал. На вопрос Рылеева я тогда решительно ему ответствовал, что в Москве на купечество нельзя рассчитывать, ибо нет ни одного, которому бы можно безопасно вверить тайну общества, что один только Селивановский — известный типографчик — пообразованнее других, но что, впрочем, он не капиталист, а притом и без приема в общество содействует оному изданием книг, к распространению свободных понятий служащих. Так мы с Рылеевым и расстались. По сему поводу он после адресовался к Селивановскому через Пущина⁴ о напечатании своих «Дум» и «Войнаровского», а я, по возвращении в Москву, редко с ним, Селивановским⁵, и виделся по произшедшему⁶ между нами неудовольствию, следовательно, если бы я и расположен был его принять, то не мог. По приезде моем в 1825 году в С.-Петербург о сем предмете и разговору у нас с Рылеевым⁷ не было до последнего времени. Помнится, уже в декабре м[еся]це он мне сказал, что Ростовцев поручил ему сказать мне, что-

¹ Слова «и Оболенский» вписаны над строкой.

² Первоначально было «полезными».

³ Слова «по одобрению Северной Думы» подчеркнуты карандашом.

⁴ Слова «он после адресовался к Селивановскому через Пущина» подчеркнуты карандашом.

⁵ Фамилия вписана над строкой.

⁶ Далее зачеркнуто: «у меня».

⁷ Слова «с Рылеевым» вписаны над строкой.

бы я принял купца Сапожникова ¹. Дня чрез два или и три Ростовцев // (л. 35 об.) и сам мне то же подтвердил, примолвя: «Я бы и сам принял, но мне неловко, пожалуйста, примите». Тому и другому я отвечал нерешительно: «Посмотрю». Поводом к тому, что они ко мне в сем случае адресовались, было то, что им известна была дружеская связь моя с Сапожниковым, а Ростовцев, притом, знал, что он, по делам своим терпя многие притеснения и потери от покойного министра финансов, часто в семейственном кругу, не обинуясь, жаловался на порядок вещей; да и вообще человек с очищенными понятиями. За всем тем я и Сапожникова не принял, во-первых, потому что не надеялся, чтобы он при обширных и трудных делах своих решился войти в дело толь щекотливое, а во-вторых, мне не хотелось кому бы то ни было объявлять о принадлежности своей к обществу, ибо я очень то чувствовал, что если бы сказал кому-нибудь, то с той минуты спокойствие мое начало бы зависеть от того лица. В заточении моем, проходя в памяти прошедшее, я, между прочим, благодарил бога, что не исполнил просьбы Ростовцева и тем избавил очень почтенное семейство от многих слез ², а потому при вопросе в Комитете мысль сия, в торопливости схваченная, была мною представлена первоначальною причиною, и теперь сам сознаюсь, что это неосновательно. После 14 декабря, при первом посещении Ростовцева, он мне рассказал, что написал к государю письмо по совету // (л. 36) своего зятя, которому тогда только открыл об обществе и его намерениях. Покорнейше прошу заметить, что если бы я кого-либо из купцов принял, то дал бы знать Рылееву, но сего не было. Равномерно и я от него не слыхал, принимал ³ ли он кого-либо. Я теперь вспомнил, что при отборании от меня допроса во дворце, на вопрос, принимал ли я кого в члены общества, я отвечал: «Никого; просил было меня Ростовцев принять своего зятя купца Сапожникова, но я не принял». Тогда его превосходительство господин генерал-адъютант Левашев изволил сказать: «Не приняли, так нечего и упоминать», — в чем приемлю смелость сослаться на его превосходительство. По сей причине я при последующих вопросах о сем обстоятельстве уже и умолчал.

(1 мая). На 2-е. Дабы объяснить противоречие, замеченное в сем пункте, я, наконец, решаюсь, призвав всемогущего сердцеведца в помощь, открыть такое обстоятельство, которое доселе тщательно хранил в тайне сердца своего. Я желал лучше казаться более настоящего виновным в соучастии и в единомыслии с другими, нежели допустить, чтобы в сем процессе было замешано имя той, к несчастию и добродетелям коей душа моя питает глубочайшее уважение. Я до сих пор боялся, чтобы Рылеев или Пущин не открыли сего; но теперь сам открываю. Да простит мне венценосная добродетель, если тем наношу оскорбление имени ее: жизнь моя не мне одному принадлежит. // (л. 36 об.)

Убеждая Рылеева и доказывая ему — как я то и в прежних ответах показал,— что Россия к быстрому перевороту не готова, что у нас и в самых городах нет настоящего гражданства, что внезапная свобода подаст повод к безнравствию, беспорядкам и неотвратимым бедствиям и что для предупреждения всего этого необходимо, чтобы конституция введена была законною властью, я просил его согласить общество возвести на престол императрицу Елизавету Алексеевну. Доводы мои при сем случае были следующие: 1-е) что в публике и в народе на государыню смотрели, как на страдательное лицо из всей царской фамилии, всегда брали в ней ⁴ особенное участие, и потому смело можно сказать, все сердца на ее стороне; 2-е) что простой народ о праве наследия судит часто по ектениям, а в тех она была второе лицо по государю; 3-е) что пример Екатерины Великой, которая взошла на престол по супруге, при живом наследнике,

¹ Слова «купца Сапожникова» подчеркнуты карандашом.

² Далее фраза «После 14 декабря при первом показании» зачеркнута, слова «а потому» вписаны над строкой.

³ Далее зачеркнуто: «На 2-е. Чтобы объяснить замеченное...».

⁴ Пять строк от слов «я просил его согласить общество возвести...» отчеркнуты карандашом на полях.

тому благоприятствует; 4-е) что о царствовании Елизаветы I по преданию известно, как о златом веке России, а о царствовании Екатерины Великой многие и теперь, со слезами вспоминая, детям и внукам повествуют; а потому не простило еще доверие к женскому правлению. Наконец, 5-е) что у государыни нет никого ближайших родных, для кого бы ей дорожить неограниченным самодержавием, а потому она склоннее может быть всех к тому, чтобы даровать России конституцию; можно даже надеяться, что впоследствии, если бы то уже // (л. 37) необходимо было нужно, она совсем откажется от правления и введет республиканское; особенно, если б ей предоставлено было приличное содержание, воздвигнут монумент¹ и поднесен титул Матери свободного отечества, ибо чего ей осталось более желать, кроме славы. Рылеев, не опровергая доводов, говорил только, что, может быть, возникнет партия совсем с другими побуждениями и тогда еще хуже нельзя будет успеть ни в чем, однако ж, хотел говорить. Последнее мое покушение на Рылеева было 9-го, 10 или даже 11 числа декабря, когда начали решительнее говорить в публике об отречении государя цесаревича. Рылеев был еще нездоров, я пришел к нему поутру и, начав говорить о сем, между прочим сказал: «Если подлинно цесаревич отрекается и если вы действительно уверены, что гвардия не любит великого князя и не присягнет ему, то что может быть благоприятнее случая сего для возведения на престол Елизаветы». Тут вынул я из небольшой бумажки написанный мною приказ к войскам и прочитал. Я его помню. Вот его содержание: «Храбрые воины! Император Александр I скончался, оставя Россию в бедственном положении. В завещании своем² наследие престола он предоставил³ великому князю Николаю Павловичу; но великий князь⁴ отказался, объявив себя к тому неготовым, и первый присягнул императору Константину I. Ныне же получено известие, что и цесаревич решительно отказывается. Итак, они не хотят. Они не умеют быть отцами народа; но мы не совсем осиротели: нам осталась мать в Елизавете. Виват! Елизавета Вторая и отечество!» Рылеев в три разные приема⁵ // (37 об.) прочитал этот приказ, чтобы вытвердить наизусть, и также обещал говорить с другими. Я должен присовокупить к сему, во-первых⁶, что и в Москве, при возвращении конституции Пущину, я сообщал это же⁷ мое мнение о единственном средстве безмятежно достичь цели общества; и во-вторых, что побуждением к сему не было никаких личных моих видов: из близких к государыне Елизавете Алексеевне никто меня не знает, кроме г[осподина] Лонгинова, и у того я был только раз с просьбою о поднесении императрице моей книги, впрочем, я знал, что г[осподин] Лонгинов образовался и жил долго в Англии и потому надеялся, что он был бы не из числа ревнителей неограниченного самодержавия. Таковы были собственные мои идеи и желания, которые хотел я возбудить в Рылееве, а через него и в других, но не успел. С другими членами я ни с кем не говорил: ибо, будучи для всех чужд и нов, я не мог надеяться иметь на кого-либо из них малейшее влияние, я держался одного Рылеева⁸ и с ним одним токмо советовался. С Бестужевым, хотя и познакомил меня Рылеев еще в 824 году, но по его образу обхождения и сарказмическому тону я с ним не сошелся и потому при всех встречах, кроме ничтожных и кратких, разговоров с ним не имел. Подобным образом в последнее время встречался и с Каховским; даже не спросил у Рылеева, кто он таков, и теперь, по совести, не знаю. Но как я был у Рылеева в собраниях и как нельзя

¹ Три строки от слов «необходимо было нужно...» отчеркнуты на полях карандашом.

² Слово «своем» вписано над строкой.

³ Слова «он предоставил» вписаны над строкой.

⁴ Слова «великий князь» вписаны над строкой вместо зачеркнутого «он».

⁵ Четырнадцать строк от слов «на престол Елизаветы». Тут вынул я...» отчеркнуты на полях карандашом.

⁶ Слово «во-первых» вписано над строкой.

⁷ Слова «это же» вписаны над строкой.

⁸ Фамилия подчеркнута карандашом.

было избежать, чтобы кто-либо, говоря с другим членом, не отнесся ко мне взором или словом, то я в таких случаях отвечал всегда кратко: «Да, конечно», чтобы только уклониться. Объяснив таким образом отношения мои к Бестужеву, // (л. 38) Каховскому и другим, я имею честь ответствовать на подразделения | сего пункта¹:

на а) Пред богом, не помню, сказал ли я: ² «Сим слушаем надобно воспользоваться», — но как при двух, трех свидетелях станет всякий глагол, я не отрицаю, не имея, чем доказать противного; но Комитет теперь изволит сам сообразить сие с вышеизложенным объяснением моим с Рылеевым и, конечно, изволит заметить, как я ³ думал воспользоваться и был ли я, даже произнеся упомянутые слова, единомышлен с прочими⁴.

На б) Когда я увидел, что Рылеев мое предложение и мысли не уважил, то я более не возражал ему ни в чем, и на все, что он мне ни говорил о последнем плане, как то он показывает, я отвечал: «Хорошо!» Впрочем, самый манифест, мною писанный, есть следствие сего плана⁵. Охотно желал ⁶ бы я представить точное⁷ содержание сего манифеста для доказательства, что в исполнении плана сего я, со своей стороны, не предполагал, чтобы допущено было до злодейства, но при всех усилиях моих не могу вспомнить. Я мог бы написать, конечно, но это вышло бы нечто новое, за подлинное сходство чего с прежним я по совести не мог бы сам ручаться. Помню только, что в окончании было сказано, чтобы все учинили присягу временному правительству, чтобы в течение 3-х месяцев избрали из каждого сословия в каждой губернии по 2 депутата и чтобы все оставались в повиновении постановленным // (л. 38 об.) властям и каждый при исправлении своих дел. К сему покорнейше прошу заметить, что, как мне помнится, манифест сей был писан от лица общего присутствия святейшего Синода и Сената, следовательно, и в выражениях,личных сим сословиям, а притом и то, что он существовал не более часу и что я сам только дважды, и то бегло, его прочел, ибо не прежде пошел со двора, как совлекшись сей ноши, которой тяжесть тотчас же и почувствовал.

На с) Точности выражений теперь вообще припомнить трудно. Я помню только то, что, взошед в кабинет Рылеева, я нашел Каховского разговаривающим с Николаем Бестужевым, сидящим у окна, и он, обратясь ко мне, начал говорить, как бы повторяя, чтобы я знал, о чем они говорят. Не отрицаю, что он сказал: «Бояться крови», но слова «Филантропы» и «резать да и только», равно как: «если не согласятся, я пойду и сам на себя объявлю», мне очень памятны. Если я, по вышеобъясненному правилу моему, словом или видом показал ему, что не противлюсь его мнениям, то объяснение мое с Рылеевым в тот же или на другой день свидетельствует, что я мыслил совсем иначе, ибо Рылеев мне именно отвечал: «Не беспокойся, я его уйму, он у меня в руках». Не думаю, чтобы Рылеев это отвергнул, если же отвергнет, я виноват, и да будет мне сие наказанием за то, что в мои леты и в моих обстоятельствах увлекся столь опасным дружеством.

Призываю бога во свидетели, что обстоятельство, в конце сего пункта изложенное, // (л. 39) относительно ужасного поручения, какое возложено было Рылеевым на Каховского, мне до самого вопроса в Комитете было вовсе неизвестно. Я очень чувствую, что посещение Рылеева, сведение о предприятии, бытность при совещаниях, самое такение в неизбежных случаях мнениям других — суть явные признаки участия моего в сем деле, и если я осмелился выразиться, что *вижу в себе более свидетеля*, то единствено по убеждению совести,

¹ Три строки от слов «Объяснив таким образом...» отчеркнуты на полях карандашом.

² Слово «я» вписано над строкой.

³ Слово «я» вписано над строкой.

⁴ Три строки от слов «объяснением моим с Рылеевым...» отчеркнуты на полях карандашом.

⁵ Слово «плана» подчеркнуто карандашом.

⁶ Три строки от слов «о последнем плане...» отчеркнуты на полях карандашом.

⁷ Слово «точное» вписано над строкой.

что мои чувства, мои желания, мои мысли были действительно несогласны с прочими и что я лично не имел и не мог иметь ни на кого ни малейшего действия. Что касается до того¹, что в последний день предприятия общества почитал несбыточным, то смею в доказательство представить следующее: 1-е) князь Трубецкой, которого на неизвестном мне собрании наименовали Диктором², причем Рылеев, как он мне сам сказал, дал и за меня слово, казался мне мнительным; 2-е) молодые люди, кои пламеннее были других, не имели в своей команде людей. С сей стороны была надежда на капитана Бестужева и лейтенанта Арбузова и, следовательно, только на две роты, ибо полковник Финляндского полка с неудовольствием от сделанного ему предложения участвовать в предприятии отказался; на капитана Репина надежда казалась не совсем верною; 3-е) мне представлялось невероятным, чтобы Ростовцев не объявил государю подробнее о заговоре нежели, как то он изъяснил в доставленном им к Рылееву разговоре, и потому я думал, что возмутятся надежные меры, и // (л. 39 об.) 4-е) я в то же утро взял для отъезда своего целый зимний дилижанс, заплатя 300 руб[лей], чего, конечно бы, не сделал, если бы не уверен был в возможности выехать и в том, что не произойдет никакого переворота, для коего нужно было бы остаться, как в отношении к самому себе, так и к детям.

На 3-е) Сокрушенным и болезненным сердцем сознаюсь, что об обстоятельстве, в сем пункте изображенном, я умолчал потому единственно, что самое воспоминание о нем приводило в трепет мою душу. Теперь открываю по чистой совести случившееся, сколько то могу упомянуть. Когда ввечеру 14 числа я сошел к Рылееву, то застал Каховского, что он, сидя у круглого столика, рассказывает Рылееву и кому-то против него сидящему о случившемся в колонне. Я слышал только, что говорил, будто бы митрополиту сказал: «Полно, батюшка, не прежняя пора нас обманывать, поди в свое место», что митрополит ему на это: «Христианин ли ты? Поцелуй хотя крест», который он и поцеловал. Еще он сказывал, что подъехал к ним генерал Сухозанет, в которого хотели стрелять, но будто бы другие закричали: «Не троньте его, это подлец Сухозанет». Затем, обращаясь ко мне, он сказал: «Граф Милорадовича я убил, я дал ему раз, вот и кровь», — тут вынул он вполовину кинжал, железом оправленный, который держал в руках. Рассказ этот потряс весь мой // (л. 40) состав, особенно то наружное равнодушие, с каким он рассказывал. Итак, была ли кровь действительно, я не видал. О том, чтобы он ранил офицера, я не помню, но то сохранилось твердо в моей памяти, что он мне сказал наконец: «Полковник,— так он меня назвал,— вы спасетесь, а мы погибнем, возьмите на память обо мне этот кинжал и сохраните его». Когда я его взял, взошел Пущин и начал свой рассказ. Все обратили на него внимание, в это время я положил кинжал на стол. Каховский, заметя это, сказал мне значительным тоном: «Так вы не хотите взять мой кинжал?» Сказав: «Нет возьму», — я взял и, пожав ему руку, поцеловал в щеку. Оставаясь после того в чрезмерном волнении духа и в крайнем беспокойстве, я воспользовался минутою появления Батенкова и ускользнул в коридор. По тому-то самому приход Батенкова был мне столько памятен. Вбежав на лестницу, я тотчас удалился в ретираду и бросил этот ужасный кинжал. Вот все, что о сем случае по чистой совести объявить могу³. На другой день поутру к Прокофьеву приехал его доктор [господин] Аренд и рассказал, что граф Милорадович ранен опасно пулею из пистолета. Посему и заключил я, что Каховский говорил о себе напрасно, и очень помню, что мысленно удивлялся этому. Это также было причиною, что я не имел особого побуждения упоминать в ответах о сем обстоятельстве.

¹ Девять строк от слов «посещение Рылеева, сведение...» отчеркнуты на полях карандашом.

² Так в подлиннике.

³ Здесь вставка. Слова «На другой день поутру... в ответах о сем обстоятельстве» написаны на полях документа. Вставка заверена словами «барон Штейнгейль».

Преходя в памяти все случаи, дабы еще не оставить на совести необъявленным Комитету, я вспомнил, что Батенков (именно при том случае, когда он мне сказал: «Молодежь наша горячится, не знаю, так ли они сильны, чтобы могли что-либо предпринять») говорил мне, что хорошо бы с войсками выйти на Пулкову гору; во-первых, из города стали бы недовольные присоединяться, а во-вторых, можно бы надеяться, // (л. 40 об.) что поселения тотчас бы примкнули, и тогда можно было бы овладеть городом на аккорд без кровопролития. Я эту мысль передал Рылееву и не знаю, объяснялся ли он сам с ним.

Не могу утверждительно сказать, но не смею и умолчать, мне помнится, что относительно Селивановского я говорил Рылееву: 1) что желая способствовать к развитию просвещения и свободомыслия изданием книг, он занимается изданием Энциклопедического словаря, который не что иное есть, как перевод известной книги «Conversations Lexicon» с выпусками статей, не могущими выдержать цензуры, и с прибавлением статей о России. 2-е) Что он мне о себе сказывал, будто бы очищением своих понятий, как обычно говорится, от предрассудков, он обязан нынешнему киевскому митрополиту. 3-е) Что по напечатании первой части словаря он писал к митрополиту, можно ли ее выдать, но преосвященный ответствовал,— я сам видел это письмо,— что не советует, ибо при теперешних обстоятельствах (это было после Госнеровой истории) тотчас доберутся, из какого источника взят этот словарь, а оригинал в замечании и подозрении правительства, потому советует напечатать частей шесть и вдруг издать, пока между тем обстоятельства переменятся. Наконец, 4-е) что через // (л. 41) Селивановского же знаю я¹ о заведенном в Москве училище *сельского домоводства*, которое находится под дирекциею свободомыслящего профессора Павлова. В нем воспитываются дети крепостных крестьян и вообще так направляются, чтобы восчувствовали всю цену свободы и тяжесть рабства.

Из сих обстоятельств Комитет, по крайней мере, усмотрит то, как в настящее время люди различных состояний стремятся к одной цели и как без всякого общества и обязательств свободомыслящие имеют свои связи и сношения в одном и том же направлении.

Обнажив пред Комитетом всякий помысл свой, я не оставил ничего более на совести моей, да судит и определяет судьбу мою. По боже, испытующем сердца, единое упование мое на благость и величие души монарха и на сострадательное представительство Комитета.

Покорнейше прошу удостоить замечания, что я не сочиняю своих ответов, но пишу прямо, как сама истина с пособием памяти изливается из сердца. К сим ответным пунктам² отставной подполковник барон Владимир Иванов сын Штейнгейль руку приложил³.

Г[енерал]-адъютант] Бенкendorf // (л. 42)

№ 10 (10)

1826 года мая 11 дня от высочайше учрежденного Комитета г[осподину] подполковнику барону Штейнгелю вопросный пункт:

Капитан-лейтенант Николай Бестужев между прочим показал, что дня за два или за три до 14 декабря, когда он сидел у Рылеева, вошел Каховский и спросил Рылеева: «Правда ли, что положено обществу разойтиться?» И когда Рылеев отвечал утвердительно, Каховский с сердцем сказал: «Не довольно того, что вы удержали человека от его намерения, вы не хотите и продолжать цели своей, я говорю вам, господа, что ежели не будете действовать, то я донесу на

¹ Далее зачеркнуто одно слово.

² Слова «К сим ответным пунктам» скрепляют ответы на каждый пункт: 1-й — «К сим», 2-й — «ответным», 3-й — «пунктам».

³ Показания написаны В. И. Штейнгелем собственноручно.

vas правительству. Я готов собою жертвовать. Назначьте кого должно поразить,— и я поражу; теперь же все в недоумении, все общества в брожении. Достаточно одного удара, чтоб заставить // (л. 42 об.) всех обратиться на нашу сторону. *Рылеев* возразил ему на это, что напрасно он сделался членом, пообещал безусловное повиновение обществу, ежели он так безрассудно продолжает говорить о своем намерении; что ежели и сбудется преднамереваемое обществом, то участь царской фамилии будет зависеть от общего голоса всех чинов и что его обязанность — слепо действовать, как ему прикажут. Он, *Бестужев*, с своей стороны подтвердил слова *Рылеева*, говоря, что цель общества и преобразование правительства заключаются не в убийствах, и что обществу совсем не то нужно, чтобы кого-нибудь убить, но чтобы в России были законы, а к этому можно при этих обстоятельствах дойти и не по кровавому пути. На это *Каховский*, успокоясь, сказал: «Смотрите, господа! // (л. 43) Претенденты на самодержавие всегда вредили намерениям конституции, чтобы вам не раскаиваться!»¹ Капитан-лейтенант *Бестужев*, утверждая, что в сих или подобных словах заключался разговор их, присовокупляет, что он думает, что вы были у *Рылеева* в это время.

Если это правда — то объясните — в сем ли заключался разговор *Каховского* с *Рылеевым* и *Бестужевым*?

1826 года 11 мая. На сей вопросный пункт имею честь по чистой совести ответствовать, что этого вовсе не знаю и следовательно было не при мне. Если бы я был сего свидетель, то, верно бы, объявил уже, тем более что изображенные здесь слова *Каховского* близки к тем, кои я слышал и которые имел уже честь Комитету объявить и на очной ставке с *Каховским* подтвердить.

К сему ответу отставной подполковник барон Владимир Иванов сын Штейнгель руку приложил². // (л. 44)

№ 11 (11)³

1826 года мая 15 дня от высочайше учрежденного Комитета г[осподину] подполковнику барону *Штейнгелю* вопросный пункт.

Поручик *Каховский* утвердительно показывает, что в первых днях по получении известия о кончине покойного императора, когда *Рылеев* говорил, что общество предположило: если цесаревич не откажется от престола или если общество здесь не успеет, то истребить царствующую фамилию в Москве в день коронации, вы сказали: «Лучше пред тем днем захватить их всех у всенощной в церкви Спаса за золотой решеткой». На что *Рылеев* подхватил: «Славно! // (л. 44 об.) Опять народ закричит: «Любо! Любо!» В Петербурге все перевороты происходили тайно, ночью». «Да,— сказал *Каховский*,— я думаю и теперь, если начинать здесь, то лучше ночью; всеми силами идти ко дворцу, а то смотрите, господа, пока мы соберемся на площадь.., да вы знаете, что и присяга не во всех полках в одно время бывает, а около дворца полк Павловский, батальон Преображенский, да и за конную гвардию не отвечаю. Я не знаю, что там успел *Одоевский*, так, чтобы нас всех не перехватали, прежде чем мы соединимся». На что *Рылеев* отвечал: «Ты думаешь, солдаты выйдут прежде объявления присяги? Надо ждать пока им ее объявят». // (л. 45)

Комитет требует от вас откровенного без малейшей утайки ответа: справедливо сие показание *Каховского*? Кто еще кроме вас поддерживал означенное мнение ваше и было ли оно принято обществом?

Сверх того, *Каховский* показывает, что *Рылеев* рассказывал ему, что если цесаревич не откажется от престола, то должно убить его всенародно, и тот,

¹ Слово «раскаиваться» написано вместо стертого.

² Показание написано В. И. Штейнгелем собственноручно.

³ Вверху листа помета чернилами: «16 мая 1826» и поставлен карандашом крест.

кто на сие решится, и когда его схватят, чтобы закричал, что он научен к тому (бывшим тогда) великим князем Николаем Павловичем, причем Рылеев присо-вокупил, обратясь к нему: «Знаешь ли, брат, какое это действие сделает в на-роде? Тогда разорвут великого князя» (теперешнего императора). Что он, Каховский, рассказывал вам все сие¹ и именно в то самое время, // (л. 45 об.) когда он, по показанию вашему, будто соглашал резать.

Объясните чистосердечно: действительно ли говорил сие вам Каховский? Что отвечали вы ему и почему вы не изъяснили сего обстоятельства в прежних показаниях ваших?

[Генерал-адъютант] Бенкendorf

1826 года мая 15 дня. На сей вопросный пункт с полным и совершенным чистосердечием имею честь ответствовать следующее.

Чем иным, кроме клятвы, могу я удостоверять Комитет в том, что последнее мое показание было писано с решительным намерением ничего не оставить на совести и все сказать, что только я знал и помнил. Итак, клянусь богом-сердцеведцем, что ежели я помнил или помню обстоятельство, показываемое Каховским, то да накажет меня и в сей жизни и в будущей. Несколько раз прочитав показание Каховского, я старался припомнить обстоятельства, но тщетно². По чистой совести, как пред богом, должен сознаться, что слова: «у Спаса за золотой решеткой» приводят меня у самого себя в подозрение. Приемля в соображение, что в первых днях по получении известия о кончине госу-даря я душевно радовался восшествию на престол цесаревича по личным моим видам, что о *истреблении царствующей фамилии* я до последнего времени никакого разговора не слыхал и что слова: «Любо! Любо! В Петербурге все перевороты происходили тайно ночью» и пр. для меня вовсе новы, я смею к обвине-нию своему сказать, что может быть³ я говорил с Рылеевым об арестовании царской фамилии и о удобности исполнить сие в Москве; но только разве пред последним временем, а не в первых днях⁴, ибо мне то очень памятно, что мне крайне⁵ // (л. 46) хотелось отклонить Рылеева от последнего их предпред-приятия, особенно после того, как мысли мои о возведении на престол императрицы Елизаветы Алексеевны остались без уважения. Но чтобы о сем говорено было в собрании как о *предположении общества* еще клятвенно подтверждаю, что того никак не помню. Если бы это был предмет такого рода, то я верно не забыл бы, что о нем было говорено; но по совести думаю, что если Рылеев и⁶ сказал при Каховском⁷ об арестовании царствующей фамилии во время коронации и если я примолвил: «Лучше захватить всех у Спаса за золотой решеткой», то это были слова и мысли скоропреходящие, принадлежащие к числу, может⁸ быть, многих, которые во время взаимных бесед и пылких мечтаний были произнесены и на другой же день забыты. Умоляю Комитет поверить моему чисто-сердечию, что я никак не дозволил бы себе запираться. Самое важнейшее для меня и труднейшее обстоятельство было сознание о последней сцене с Кахов-ским, ибо, клянусь, не могу без содрогания вспомнить, что убийца подарил мне кинжал на память!! Это приводит всю душу мою в трепет, но я тотчас сказал, не видя даже, чтобы Комитету обстоятельство это было открыто. Итак, пред богом, никак не помню и не помнил обстоятельства, из которого Каховский, вероятно, озлобившийся на меня, написал теперь целую сцену. Комитет

¹ Слово «вам» зачеркнуто карандашом, после «сие» вписано над строкой карандашом «ба-рон Штейнгель».

² Четыре строки от слов «сердцеведцем, что ежели...» отчеркнуты на полях карандашом.

³ Далее зачеркнуто: «весьма».

⁴ Слова «но только разве пред... в первых днях» вписаны над строкой.

⁵ Две строки от слов «об арестовании царской фамилии...» отчеркнуты на полях каранда-шом.

⁶ Слово «и» вписано над строкой вместо зачеркнутого «так».

⁷ Слова «при Каховском» вписаны над строкой.

⁸ Шесть строк от слов «забыл бы, что о нем было говорено...» отчеркнуты на полях карандашом.

изволит заметить, что я, клянусь в совершенном запамятовании сего случая, решительно не отрицаю // (л. 46 об.) того, что я мог сказать показываемые им¹ слова. Тем с большею твердостью, по чистой совести, смею удостоверительно ответствовать, что последнего рассказа от Каходского я вовсе не слыхал не только при означенном случае, ни при каком другом. Если он мне говорил тогда действительно, то должен слышать все и капитан-лейтенант Бестужев², ибо очень я то помню, что в каком положении я их застал, т. е. одного стоящего, другого сидящего, в таком и оставил и оставил очень скоро, увидя, что Рылеева нет дома. Я не знаком коротко с Бестужевым, но всегда слышал о нем, как о человеке с благородными чувствованиями, и потому смело отдаюсь на его свидетельство. Если он то утвердит, то покорнейше прошу принять сие утверждение за собственное мое. Да будет со мною воля непостижимого властителя судеб! Он читает в моей совести, и если попустит мне лишне пострадать от озлобления тех, в сообщество коих завлекло меня несоответственное, впрочем, летам моим, пылкое стремление к славе и благоденствию Отечества, то с покорностью и смирением приму святое его определение. Покорнейше прошу хотя тому поверить, что я не мог быть искренним участником в зломышлении на цесаревича. Находящийся при его высочестве Гинц еще за два года пред сим передал мне через брата своего, отставного майора Абрама Гинца, что он говорил обо // (л. 47) мне цесаревичу и что его высочество сказал: «Пусть погодит до удобного времени»³. Если я через то мог надеяться, что цесаревич решится говорить обо мне с государем и просить меня к себе, то чего я мог надеяться от него как от императора?

Без просьбы моей Комитет, конечно, сам изволит заметить, что Каходский прежде вовсе отрицал мое показание, а теперь показывает, что *при том самом случае* он мне пересказывал говоренное Рылеевым⁴. С моей стороны осмеливаюсь просить удостоить внимания, что при очной ставке со мною Каходский, между прочим, говорил, что подобный разговор тому, какой я слышал, происходил в гостиной в присутствии Александра Бестужева и что я при том курил трубку лежа на софе. Сколько я ни старался припомнить, не было ли подобной беседы, не мог. Напротив, уверен в том совершенно, что я, не будучи большой охотник до трубки, никогда у Рылеева, сколько с ним знаком, трубки не курил, но одни сигары, и притом, чтобы я лежал на софе при людях несовершенно мне коротких, это вовсе на меня не похоже. Мне подобное обращение и в молодых людях казалось всегда отвратительным. Заключаю ответ мой клятвою, что, по сущей истине и совести, более того, что показал в последнем ответе 30 апреля, ни за собою, ни за другими не знаю и не помню⁵. К сему ответу отставной подполковник барон Владимир Иванов сын Штейнгейль руку приложил. // (л. 47 об.)

16 мая. В дополнение к сему ответу осмеливаюсь присовокупить, что зная Москву очень хорошо, я очень знаю и то, что всякое явное злодеяние против царской фамилии подало бы только народу повод в виде отмщения напасть на злодеев и на дворянство, а потом пуститься на все неистовства; следовательно, уверен в том, что Москва не место для подобных покушений ни дневных, ниочных, и не могу, по совести, иначе думать. При разговорах в Москве с Пущиным я о народе московском⁶ всегда был того мнения, как то и в прежних ответах моих объяснял. Это соображение заставляет меня теперь с уверенностью думать, что если действительно я говорил Рылееву о удобности *захватить*, как показывает Каходский, царствующую фамилию во время коронации, то

¹ Слово «им» вписано над строкой.

² Семь строк от слов «того, что я мог сказать...» отчеркнуты на полях карандашом.

³ Восемь строк от слов «Покорнейше прошу хотя тому поверить...» отчеркнуты на полях карандашом.

⁴ Четыре строки от слов «Без просьбы моей Комитет...» отчеркнуты на полях карандашом.

⁵ Четыре строки от слов «ответ мой клятвою...» отчеркнуты на полях карандашом.

⁶ Слово «московском» вписано над строкой.

конечно ни по какому другому побуждению и не с иным намерением, как токмо с тем, чтобы отвлечь их от настоящих замыслов. Многочисленное мое семейство, живущее в Москве, может служить верною пред Комитетом порукою, что не-естественно¹, чтобы я мог желать народного мятежа и всех ужасов беззначания.

Отставной подполковник барон Штейнгель²

Г[енерал]-адъ[ютант] Бенкендорф // (л. 48)

№ 12 (12)

1826 года мая 16 дня в присутствии высочайше учрежденного Комитета по разноречию в показаниях дана очная ставка поручику Каховскому с подполковником бароном Штейнгелем в том, что Каховский утвердительно показывает: 1-е) Что в первых днях по получении известия о кончине покойного императора, когда Рылеев говорил, что общество предположило, если цесаревич не откажется от престола или если общество здесь не успеет, то истребить царствующую фамилию в Москве в день коронации, барон Штейнгель сказал: «Лучше пред тем днем захватить их всех у всеобщной в церкви Спаса за золотой решеткой». На что Рылеев подхватил: «Славно! Опять народ закричит: «Любо! Любо!» В Петербурге все перевороты происходили тайно, ночью». «Да,— сказал Каховский,— я думаю и теперь, если начинать здесь, то лучше ночью, всеми силами идти ко дворцу, а то смотрите, // (л. 48 об.) господа, пока мы соберемся на площадь.., да вы знаете, что и присяга не во всех полках в одно время бывает, а около дворца полк Павловский, батальон Преображенский, да и за конную гвардию не отвечаю. Я не знаю, что там успел Одоевский, так, чтобы нас всех не перехватали прежде, чем мы соединимся». На что Рылеев отвечал: «Ты думаешь, солдаты выйдут прежде объявления присяги? Надо ожидать, пока им ее объянят». И 2-е) Что Рылеев рассказывал ему, Каховскому, что если цесаревич не откажется от престола, то должно убить его всенародно, и тот, кто на сие решится и когда его схватят, чтобы закричал, что он научен к тому (бывшим тогда) великим князем Николаем Павловичем, причем Рылеев присо-вокупил, обратясь к нему: «Знаешь ли, брат, какое это действие сделает в народе? Тогда разорвут великого князя» (теперешнего // (л. 49) императора). Что он, Каховский, рассказывал все сие барону Штейнгелю и именно в то самое время, когда он, по показанию Штейнгеля, будто соглашал резать. Напротив того, барон Штейнгель утверждает клятвою, что по сущей истине и совести более того, что показал в последнем ответе 30 апреля ни за собою, ни за другими не знает и не помнит, но думает, что если Рылеев и сказал при Каховском об арестовании царствующей фамилии и если он, Штейнгель примолвил: «Лучше захватить всех у Спаса за золотой решеткой», то это были слова и мысли скоропреходящие, принадлежащие к числу, может быть, многих, которые во время взаимных бесед и пылких мечтаний были произнесены и на другой же день забыты.

На очной же ставке

Поручик Каховский

утвердил свое показание

Поручик Каховский³

Подполковник барон Штейнгель,

отрицая все показанное Каховским,
остался при своем отзыве.

Отставной подполковник барон
Штейнгель³

Г[енерал]-адъ[ютант] Бенкендорф // (л. 14)

¹ Далее зачеркнуто: «мне».

² Показания написаны В. И. Штейнгелем собственноручно.

³ Протокол очной ставки подписан П. Г. Каховским и В. И. Штейнгелем собственноручно.

№ 13 (3)¹

Высочайше учрежденный Комитет требует от [господина] подполковника барона *Штейнгейля* показания:²

1

Где воспитывались вы? Если в публичном заведении, то в каком именно, а ежели у родителей или родственников, то кто были ваши учителя и наставники?

2

В каких предметах старались вы наиболее усовершенствовать?

3

Не слушали ль сверх того особых лекций? В каких науках, когда, // (л. 14 об.) у кого и где именно, объяснив в обоих последних случаях, чьим курсом руководствовались вы в изучении сих наук?

4

С которого времени и откуда заимствовали вы свободный образ мыслей, т. е. от сообщества ли или внушений других или от чтения книг или сочинений в рукописях и каких именно? Кто способствовал укоренению в вас сих мыслей?

На сии вопросные пункты имею честь ответствовать следующее:

На 1-й. Я воспитывался в Морском кадетском корпусе с 1792 года по 1799-й.

На 2-й. Первоначальный предмет мой был — науки, до мореплавания относящиеся. При выпуске из корпуса, будучи первым по выпуск³, ни о каких других предметах, даже о русской словесности, я не имел понятия, но с самой юности чувствовал жаждность к приобретению познаний и потому читал все, что только // (л. 15) ни попадалось. Когда вышел из флота в отставку, то наиболее занимался историою и словесностью. Служение при граве Тормасове заставило меня обратиться к юридической части вообще и к сочинениям политическим.

На 3-й. Особых лекций нигде, ни у кого не слушал и единствено потому, что не имел ни случая, ни возможности.

На 4-й. Чтобы ответствовать на сей вопрос совершенно удовлетворительным образом, надлежало бы написать целую диссертацию о влиянии на образ мыслей того времени, которое протекало от последних дней Екатерины Великой до кончины Александра Первого, но это значило бы представить Комитету такие вещи, которые мудрым мужам, оный составляющим, должны быть гораздо известнее, нежели мне, а потому ограничусь ответом, литературно вопросу соответственным. Точно определить, с которого времени и откуда заимствовал я свободный образ мыслей — весьма трудно. С тех пор, как я начал от себя самого зависеть, я старался снискивать дружбу и знакомство людей, кои по уму и познаниям от прочих отличались. Таким образом, я был дружески знаком с бывшим в Камчатке генералом Кошелевым, потом с действительным камергером Рязановым, наконец, с весьма почтенным генералом Бегичевым, который, заметив меня в ополчении, удостоил потом ласки и доверенности, как то и письма его свидетельствовать могут. Теперь трудно упомянуть все то, что читал и какое сочинение наиболее способствовало к развитию либеральных понятий; довольно сказать, что двадцать семь лет я упражнялся и упражняюсь в беспрестанном чтении: я читал Княжина «Вадима» (даже печатный экземпляр), Радищева «Поездку в Москву», сочинения⁴ Фон Визина, Волтера, Руссо, Гел-

¹ Вверху листа карандашом поставлен крест.

² Слова «подполковника барона *Штейнгейля* показание» написаны другим почерком и другими чернилами.

³ Слова «будучи первым по выпуск^у» вписаны над строкой.

⁴ Слово «сочинения» вписано над строкой.

вения, Поле, Парни, Грекура, Пиго-Лебрена и проч[их], из рукописных — разные сочинения (кому не известные?) Баркова, Нелединского-Мелецкого, Ясвитского, ки[язя] Горчакова, Грибоедова и Пушкина. Сии последние вообще¹ читал из любопытства и решительно могу сказать, что² они не произвели надо мною иного действия, кроме минутной забавы: подобные мелочи игривого ума мне не по сердцу, но я увлекался более теми сочинениями, в которых³ представлялись ясно и смело истины, неведение коих было многих зол для человечества причиной. По совести сказать должен, что ничто так не озарило ума моего, как прилежное // (л. 15 об.) чтение истории с размышлением и соображением. Одни сто лет от Петра Великого до Александра I сколько содержат в себе поучительных событий к утверждению в том, что называется свободномыслием!! Заключаю ответ мой удостоверением Комитета, что никто особенно не способствовал укоренению во мне сих мыслей, но единственno: чтение, размышление, опыт и логическое соображение вещей. К несчастью, по свойству сердца моего и души я нелицемер. К сим ответам отставной подполковник барон Владимир Иванов сын Штейнгейль руку приложил⁴.

Опасаясь, дабы Комитет не изволил заключить, что я⁵ единственно читал сочинения, учащие свободномыслию, побуждаюсь присовокупить, что я упражнялся немало и в чтении духовных, церковных и нравственных книг. Кроме Библии я читал слова Златоуста, сочинения Феофана, Платона, Анастасия, Макария, Гедеона, Михаила⁶, Филарета, Иннокентия, «Розыск» и «Камень веры» Дмитрия Ростовского, Пращицу Питирима Новгородского, сказание о раскольниках священника Иоанна Алексиева, Минеи четии, Приточник Евангельский; сверх того: Боссюета, Мацилиона, Бурдалу, Господу Гион, Детуша, Штилинга, Экартегаузена, Геллерта и многих других, а Эпиктет и Рошфуко — мои любимые авторы. Я в сердце моем отнюдь не развращен.

Барон Штейнгейль⁷ // (л. 50)

№ 14 (0)

Выписка показаний на отставного подполковника барона Штейнгеля

Каховский

Сказал, что крови бояться не должно, говорил он на слова Н. Бестужева и [барона] Штейнгеля которые были одного с ним мнения, что члены общества лишь толкуют, а не распоряжаются к действию. [27]. С[траница] 12.

Оболянский

Член общества, [59] С[траница] 16 на обор[оте.] Штейнгель член общества. [25] С[траница] 3. По[казаниe] 2 Пу[нкт] 2.

А. Бестужев

6 декабря стали в городе носиться слухи, что цесаревич от короны отказывается, тогда Трубецкой, Рылеев, Оболянский, Арбузов, Одоевский, Штейнгель и Якубович говорили, что сим случаем надобно воспользоваться, что солдаты не расположены к Николаю Павловичу, а цесаревича любят и что никогда не представится для России благоприятнейшего случая отыскать право, коим

¹ Слово «вообще» вписано над строкой.

² Далее зачеркнуто: «не могу».

³ Слово «которых» вписано над строкой вместо зачеркнутого «каких».

⁴ Показания написаны В. И. Штейнгелем собственноручно.

⁵ Слово «я» вписано над строкой.

⁶ Имя вписано над строкой.

⁷ Приписка сделана В. И. Штейнгелем собственноручно.

К[оллежский]
а[сессор] Кюхель-
бекер

К[оллежский]
а[сессор] Пущин

пользуются другие нации. С[траница] 27 на обор[оте]. Находился Штейнгель на совещании вместе с прочими, в котором до мнения об истреблении особы государя императора и августейшей фамилии об такой материей и не было рассуждаемо как о намеренно[м] деле. [25] С[траница] 28.

14-го числа, когда Рылеев поутру прислал человека звать к себе, он нашел у Рылеева Пущина и Штейнгеля. [190] Пок[азание] 1. С[траница] 1. // (л. 50 об.)

14 декабря именно, сколько припомнит, Штейнгель, Оболянский, Бестужевы 2, Каховский. Общий же разговор никак не мог называться совещанием заговорщиков. С[траница] 50. Пун[кт] 11.

Штейнгель принят был на совещании. [36] С[траница] 16 на обор[оте].

(В деле Батенкова на об[ороте] 32) В бытность мою в Москве барон Штейнгель, с которым я довольно часто видался, не принимал никакого участия в успехах нашего общества; в разговорах же¹ уверял меня, что мы с Рылеевым в совершенном заблуждении насчет средств² наших. // (л. 1)

№ 15 (0)

№ 28
Сев[ерного]
об[щества]

Отставной подполковник барон Штейнгель показал, что в 1824 году о тайном обществе узнал он от Рылеева, который открыл ему цель: введение монархической конституции, но он нашел ее неудобною, утверждая, что Россия не готова еще к переменам, что конституция дана быть надлежит только бывшему властию, что всякое насилиственное предприятие произведет всеобщее возмущение и все ужасы беззначания. После чего уехал он, Штейнгель, в Москву и возвратился оттуда в октябре 1825 года.

По кончине его величества слышал от Рылеева, что Якубович скрежетал зубами от неудачи исполнить преднамеренное им убийство государя. 12 декабря предлагал Рылееву согласить общество возвести на престол императрицу Елизавету Алексеевну и прочитал написанный для сего приказ войскам, в коем причиною³ таковой перемены поставлено отречение Николая Павловича и Константина Павловича от престола. Слышал слова Каховского, что надобно резать. Был свидетелем, // (л. 1 об.) как некоторые члены восстали против особы государя, требуя принести его на жертву. Штейнгель заключает признание свое тем, что видит в себе более свидетеля, не желавшего изменить доверенности, нежели соучастника. Ибо в самом возмущении не участвовал⁴. Каховский донес, что при объявлении Рылеевым положения общества об истреблении царствующей фамилии в Москве в день коронации⁵ Штейнгель сказал: «Лучше пред тем днем захватить их всех у всенощной в церкви Спаса за золотой решеткой». Противу сего Штейнгель объяснил, что⁶ не пом-

¹ Далее зачеркнуто: «с Рылеевым».

² Слово «средств» вписано над строкой.

³ Слово «причиною» вписано над строкой вместо зачеркнутых слов «по видам».

⁴ Далее зачеркнуто: «но когда».

⁵ Далее зачеркнуто: «если цесаревич не откажется от престола или если общество здесь не успеет, барон».

⁶ Далее зачеркнуто: «более того».

нит означенных слов, но думает что это были слова и мысли скоропреходящие, которые во время пылких мечтаний были произнесены и на другой день забыты. // (л. 2)

№ 16 (0)¹

Об оставном подполковнике бароне Штейнгеле²

Барон Штейнгель показывает, что в 1824 году о тайном обществе узнал он в С.-Петербурге от Рылеева, который открыл ему цель — введение монархической конституции, но о составлявших Думу, о членах, взаимных их действиях, времени и местах совещания, о надеждах и пособиях ничего не сказал, отзываясь, что «этого теперь нельзя; это запрещается». Но как Штейнгель отправлялся в Москву, то Рылеев и советовал ему познакомиться там с коллежским асессором Пущиным, который все расскажет, однако и от Пущина ничего более не узнал, кроме конституции в монархическом духе³, данной ему с тем, чтобы сделать замечание. Конституцию сию он возвратил через день без всякого замечания, сказав, что находит ее совершенно неудобною, утверждая, что Россия не готова еще к чрезвычайным переменам правительства, что конституция дана быть может только высшою властью, что всякое насилиственное предприятие произведет всеобщее возмущение и все ужасы безначалия. Коллежский асессор Пущин, подтвердив сие показание, присовокупил, что Штейнгель не принимал никакого участия в успехах общества.

В октябре 1825 года барон Штейнгель приехал опять в С.-Петербург и получил сведение от Рылеева, что действия общества идут успешно. По кончине его величества слышал от Рылеева, что капитан Якубович скрежетал зубами // (л. 2 об.) от неудачи исполнить преднамеренного им убийства государя, против которого питал он личную злобу.

Когда присягнули цесаревичу, то Штейнгель обрадовался, питая приятные надежды, ибо он с юных лет знаком был с Колзаковым и приятель с Гинцом, находящимся при его высочестве.

Рылеев был болен и в навещавших его членах до 12 декабря не приметно было никакого особенного движения, но тут известие о решительном отречении цесаревича от престола возводило умы и сердца. Впрочем, Штейнгель на совещаниях нигде и ни у кого не был, кроме Рылеева, с которым одним только и рассуждал, убеждая и доказывая ему, что Россия к быстрому перевороту не готова, что у нас и в самых городах нет настоящего гражданства, что внезапная свобода подаст повод к безначалию, беспорядкам и неотвратимым бедствиям и для предупреждения всего того необходимо, чтобы конституция введена была законною властью. При сем барон Штейнгель просил его согласить общество возвести на престол императрицу Елизавету Алексеевну и, вынув написанный им приказ войскам, прочитал оный Рылееву. Содержание сего приказа было следующее: «Храбрые воины! Император Александр I скончался, оставил // (л. 3) Россию в бедственном положении. В завещании своем наследие престола он предоставил великому князю Николаю Павловичу. Но великий князь отказался, объявив себя к тому неготовым, и первый присягнул императору Константину I. Ныне же получено известие, что и цесаревич решительно отказывается. Итак, они не хотят, они не умеют быть отцами народа, но мы не совсем осиротели: нам осталась мать в Елизавете. Виват Елизавета II-я и отчество!» Рылеев, хотя с любопытством читал сей манифест, однако не ува-

¹ Внизу листа пометы чернилами: «№ 28», «Читана 4 июня 1826».

² Ниже на полях помета карандашом: «№ 48».

³ Слова «кроме конституции в монархическом духе» подчеркнуты карандашом.

жил сего предложения Штейнгеля, возразив тем, что возникнет партия совсем с другими побуждениями и тогда ни в чем нельзя будет успеть. Получив отказ Рылеева, Штейнгель ни в чем не возражал ему, что он ему ни говорил о последнем плане. Встречаясь с Александром Бестужевым, с Каховским и другими членами в собраниях у Рылеева, он не мог избежать, чтобы кто-либо говоря, не отнесся к нему взором или словом; но в таких случаях он отвечал всегда кратко: «Да, конечно!», чтобы только уклониться.

12 декабря поутру был он у Рылеева и застал у него Каховского, который говорил Николаю Бестужеву: «С этими филантропами ничего не сделаешь, тут просто надобно резать, да и только; иначе я пойду и сам на себя все объявлю». // (л. 3 об.)

Потом в совещании общества Штейнгель был свидетелем, как некоторые члены восставали против особы государя, требуя принести его на жертву; из них князь Трубецкой полагал, что надобно оставить Александра Николаевича, чтобы его объявить императором. Другие говорили, что можно ограничиться арестом. О царской фамилии все споры кончили Рылеев тем, что обстоятельства сами покажут, что делать будет должно. Наконец, сказали, чтобы все шли по своим местам и готовились. В сем случае Штейнгель с укоризною скандалом Рылееву о словах Каховского, убеждая в одном и том же, что если цель общества есть свобода отечества и водворение прочного порядка, то неприлично дело столь святое начинать беспорядками, бесчинством и кровопролитием; насчет даже намерений против царской фамилии Штейнгель представлял ему благородный пример Швеции, и Рылеев, казалось, во всем соглашался с ним и уверял, что до кровопролития не дойдет и не допустят и что Каховский так только говорит, что его умут; он у него в руках.

О Штейнгеле показывают:

Показание
Рылеева

Штейнгель план общества посредством Сената созвать Великий собор и до съезда задержать императорскую фамилию одобрял или, по крайней мере, соглашался на то. // (л. 4)

Александр
Бестужев

Штейнгель действиями не помогал, но мнения был того же, что и другие; однако, неискренно желал начала; 14 декабря на площади не был.

Князь Трубецкой

На совещаниях у Рылеева приходил и уходил, иногда вмешивался в разговор, но не был совещательным лицом. 14 декабря поутру в квартире Рылеева Штейнгель говорил «пойти кончить манифест», который в голове у него уже обделан, «но, кажется, пролежит в кармане».

Против показания Трубецкого о манифесте, который был приготовляем Штейнгелем, он объяснил, что тогда же оный разорвал и ни выражений, ни оборотов не помнит, знает только, что он был следствием плана Рылеева и что в нем изложена была та же мысль, которая составляла содержание вышесказанного приказа, и заключался тем, что когда великие князья не хотят быть отцами народа, то осталось ему самому избрать себе правление. А противу прочих показаний объяснил, что, действительно, когда Рылеев открывал ему свой план, то Штейнгель отвечал: «Хорошо! Но, соображая предварение государя Растворцевым с приметною неохотою князя Трубецкого, избранного начальником, и с необдуманною пылкостью молодых заговорщиков, полагал умысел несбыточным. Штейнгель заключает признание свое тем, что он видит в себе более свидетеля, не желавшего изменить // (л. 4 об.) доверенности, нежели соучастника; ибо в самом возмущении никакого участия не принимал, в духе тайного общества ни в каком отношении ни на кого лично не действовал и в члены ни одного человека не приобрел, но тем не менее чувствует важность своего преступления.

После происшествия 14 декабря ввечеру он был у Рылеева в то время, когда Каховский рассказывал о всем произошедшем в каре возмутителей, что он, Каховский, ранил Милорадовича и что говорил с митрополитом; потом, вынув из ножен в половину кинжал, железом оправленный, предложил его Штейнгелью говоря: «Вы спасетесь, а мы погибнем, возьми же его на память». Штейнгель взял его и положил на стол, но Каховский, заметя сие, сказал: «Так вы не хотите взять мой кинжал!» Штейнгель, положив ¹ ему руку, отвечал: «Нет возьму», — и поцеловал его в щеку. Оставаясь после того в чрезвычайном волнении духа, он вышел оттуда в коридор и тотчас бросил сей ужасный кинжал.

Каховский после очных ставок прислал на тех, кои уличали его в разных обстоятельствах, извет в том, что Рылеевым было объявлено положение общества: если цесаревич не откажется от престола или если общество здесь не успеет, то истребить царствующую фамилию в Москве в день коронации; барон // (л. 5) Штейнгель сказал на сие: «Лучше пред тем днем захватить их всех у всенощной в церкви Спаса за золотой решеткой». Рылеев подхватил: «Славно! Опять народ закричит: «Любо! Любо!» В Петербурге все перевороты происходили тайно, ночью». «Да! — сказал Каховский, — я думаю и теперь, если начинать здесь, то лучше ночью, всеми силами идти ко дворцу, а тосмотрите, господа, пока мы соберемся на площадь, то чтобы нас всех не перехватили прежде, чем мы соединимся». Но Рылеев отвечал: «Ты думаешь, что солдаты выйдут прежде объявления присяги? Надо ждать, пока им ее объянят». Сверх того, будто Рылеев при Штейнгеле сказывал ему, что если цесаревич не откажет, то должно убить его всенародно, и тот, кто на сие решится, когда его схватят, то чтобы закричал, что он научен великим князем (ныне царствующим императором); причем Рылеев, обратясь к нему, Каховскому, сказал: «Знаешь ли брат, какое это произведет действие в народе? Тогда разорвут великого князя».

Рылеев, Александр и Николай Бестужевы, на которых Каховский взводил сии показания, единогласно отвергнули оные и подтвердили несправедливость оных и на очных ставках // (л. 5 об.) с Каховским, а барон Штейнгель объяснил, что по сущей истине и совести более того, что показал в своих ответах, ни за собою, ни за другими не знает и не помнит, но думает, что если Рылеев и сказал при Каховском об арестовании царствующей фамилии и если Штейнгель примолвил: «Лучше захватить всех у Спаса за золотой решеткой», — то это были слова и мысли скоропреходящие, к числу, может быть, многих, которые во время взаимных бесед и пылких мечтаний были произнесены и на другой же день забыты. Сие утвердил Штейнгель и на очной ставке с Каховским, который остался при своем показании.

Правитель дел Боровков

Приложение

ПИСЬМА В. И. ШТЕЙНГЕЛЯ НА ИМЯ НИКОЛАЯ ^{1 2}

№ 1

Августейший монарх, всемилостивейший государь! Из мрачной темницы моей, возносясь духом любви к отечеству, духом верноподданнического к вашему императорскому величеству усердия, припадаю ко священным стопам вашим.

¹ Так в подлиннике.

² ЦГАОР СССР, ф. 48, д. 11 «Письма на высочайшее имя и на имя генерал-адъютанта Левашова от некоторых арестантов о замеченных ими беспорядках и злоупотреблениях в царствование покойного императора. В начале дела свод, сделанный из сих показаний. Тут же характеристика г. Аракчеева и Сперанского, соч. Батенкова».

Умоляю ваше величество благом многих миллионов людей, коих вы нареклись отцом, умоляю собственною вашею славою и самою безопасностью: не презрите моих наблюдений и сведений; удостойте прочесть все нижеследующее до последней строки прежде, нежели произнесете строгий суд о свойстве и самой цели настоящего подвига. Дерзаю представить обнаженную истину: она должна быть доступна престолу мудрого монарха, восприявшего бразды правления с намерением жить для отечества.

В высочайшем манифесте о восшествии вашем на престол, как бы в утешение народа сказано, что ваше царствование будет продолжением // (л. 76 об.) предыдущего. О, государь! Ужели скрыто от вас, что эта самая мысль страшила всех и что одна токмо общая уверенность в непременной перемене порядка вещей говорила в пользу цесаревича?

Истина, не подверженная ни малейшему возражению, что в бозе почивший государь, брат ваш, обладал в совершенстве даром привлекать к себе сердца всех тех, кои имели счастье с ним встречаться, и что его поведение в звании наследника, его действия и намерения в начале царствования, твердость его при всеобщем бедствии 1812 года, его кротость в блеске последующей за тем славы, человеколюбие его во время последнего наводнения, равно как и многие другие, известные свету и народу в особенности случаи, в коих явил он высокие свойства души своей,— содели особы его любезною и священной для россиян-современников. Но по непостижному для нас противоречию, которое к изумлению грядущих веков, может быть, объяснит одна токмо беспристрастная история, царствование его — если разуметь под словом сим правление — было во многих отношениях для России пагубно, под конец же тягостно¹ для всех состояний, даже до последнего изнеможения. // (л. 77) Противоречие сие поставило средний и нижний класс народа в недоумение: государь всюду являлся ангелом и сопровождался радужными восклицаниями, но в то же время от распоряжений правительства именем его разливалось повсюду неудовольствие и ропот. Народ приписывал сие лицам: то Сперанскому, то Гурьеву, то Аракчееву и вообще думал: «Министры обманывают доброго нашего государя; где ему, батюшке, все знать». Но те, кои просвещеннее, смотрели и рассуждали иначе. Результат общий: государь, ветренный на престоле со всеобщимождением, с единодушною, искреннею, беспримерною радостью, сопровожден во гроб едва ли не всеобщим равнодушием.

О, государь! Если это с моей стороны дерзновение, то в совести моей вопиющий глас убеждает меня, что она в миллион раз полезнее вашему величеству, моему всемилостивейшему монарху, нежели та лесть, которую если и возносят владык земных до небес, то для того только, чтоб они не видели, что на управляемой ими земле делается.

Не смею без особого соизволения изобразить вашему величеству в историческом порядке весь ход дел в последнее царствование; но цель, меня // (л. 77 об.) одушевляющая², заставляет сказать хотя ту только истину, что правительство отличалось непостоянством, и в управлении государством не было никакого положительного, твердого плана. Сначала был период либерализма³ и филантропии; потом — период мистицизма и, наконец, противных мнений и действий тому и другому. Вначале дано всему новое направление учреждением министерств: министры были в силе и доверенности. Чрез шесть лет разряд министерств изменился: с учреждением Совета в новом его образовании создано министерство полиции. Сила министров уступила силе государственного секретаря. Министерство коммерции уничтожено. Отсутствие государя дало повод к учреждению комитета господ министров, а затем смерть Вязмитинова произ-

¹ Четыре строки от слов «грядущих веков, может быть...» отчеркнуты на полях карандашом.

² Слово «одушевляющая» подчеркнуто карандашом.

³ Четыре строки от слов «одушевляющая, заставляет...» отчеркнуты на полях карандашом.

вела новую перемену в разряде министерств. Министерство полиции уничтожено и сделано вновь министерство духовных дел в соединении с просвещением, но и то на несколько лет. При первых министрах многое предназначало полезного, по крайней мере обнаружено явное намерение готовить государство к восприятию конституционных начал. После Тильзитского мира прибытие Коленкура ко двору и вышепомянутая перемена в министерстве пресекли деятельность правительства. Оно // (л. 78) до самого 1812 года, видимо, тяготилось прихотливым деспотизмом Наполеона. Влияние Сперанского на дела ознаменовалось учреждением комиссии погашения долгов, началом изобретения новых налогов, обложением купцов усугубленною податью с капиталов, установлением торговых книг, учреждением о торгующих крестьянах, которым подорван кредит внутренней торговли, и новым образованием Комиссии составления законов, которая до сих пор издала гражданское и уголовное уложение, и оба не могли быть приведены в действие. В 1810 и в 1811 году приметно уже было недовольствие противу правительства. Указ 1809 года о непроизвождении в чины гражданских чиновников 9 и 6 классов без экзамена, которым многие заслуженные и опытные люди оскорблены были, много развивал сие недовольствие. 1812 год соединил всех к одной цели — защите отечества и престола.

Настал вожделенный мир! Монарх, от всех благословенный, возвратился ко всеобщей радости. Все, казалось, обещало эпоху, от которой начнется период внутреннего благоустройства. Ожидание не сбылось. Роздано несколько миллионов Москве, Смоленску // (л. 78 об.) и частью некоторым уездным городам сих губерний; но сим пособием воспользовались не столько совершенно разорившиеся, сколько имущие: ибо оно раздавалось в виде ссуды под залог недвижимости. Если Москва отряслася так скоро пепл с главы своей и вознеслась в новом величии, то не столько помогла тому сия помощь, сколько состояние внутренней коммерции и промышленности, оживотворенных тарифом 1810 года, который издан был при увещательном манифесте, чтобы все обращали капиталы свои не в пищу чужеземной роскоши, но в пользу отечества. Внезапно сей самый тариф в 1816 году изменен в пользу Австрии, Польши и Пруссии изданием нового тарифа на 12 лет. Коммерсанты могли, по крайней мере, располагать свои спекуляции на сие, императорским словом определенное время; но и в этом ошиблись: в 1819 году последовало новое всеобщее разрешение ввоза иностранных товаров, коими вскоре наводнили Россию. Многие купцы обанкротились, фабриканты вконец разорились, а народ чрез то лишился способов к пропитанию и к оплачиванию податей. Вскоре увидели ошибку, исправили ее тарифом 1823 года, но причиненный вред невозвратен. Знатные суммы серебра и золота, вошедшие чрез одесский порт при выгодной // (л. 79) хлебной торговле 1815, 1816 и 17 годов, исчезли мгновенно и не возвращались. Наконец, последовало новое дополнительное постановление о гильдиях, за коим изданы еще многие дополнения и пояснения, за всем тем местные начальства принуждены были представлять о невозможности его выполнить: ибо у бедных мещан, и особенно у жителей малых городов, отнят последний способ к пропитанию. Таким образом, коммерция наша находится в паралитическом состоянии, тогда как у всех других держав преуспевает и процветает, особенно во Франции, которая в 1815 году едва ли не в лучшем состоянии была, нежели Россия.

К крайнему изумлению всех действия министерства финансов в последние 10 лет были, можно сказать, ужасны¹. В 1814 году правительство убедило откупщиков винных при главном посредстве Гурьева и Пестеля сделать весьма важную наддачу. Естественным сего следствием была несостоятельность, и они разорены вконец, особенно Злобин, оказавший многие отечеству услуги, и Перетц. В преследовании сих откупщиков и потом поставщиков провиантских были случаи, что они представляли к расчету свои // (л. 79 об.) на казну претензии; но министр предписывал: «с них взыскивать, а им предоставить ведать-

¹ Три строки от слов «К крайнему изумлению...» отчеркнуты карандашом на полях.

ся особо». Распоряжение, имеющее характер полного насилия и несправедливости. С откупщиками многие разорились. Уничтожив откупы, министерство финансов ввело новый образ винной продажи — источник чрезмерно гибельного народного разрата и самого разорения. Нарушены некоторые коренные права, унижено звание вице-губернаторов, дотоле весьма-весьма почтенное, явлен пример соблазна для чиновников, ибо способы наживаться стали предпочитать понятиям о чести, и те, кои при начале считали за унижение надзирать за питетными домами, увидя, что на сих людей обращается внимание министра и вместе с обогащением даются чины и кресты, стали искателями сего рода службы. Размножены повсюду трактиры, герберги, харчевни, портерные лавочки, питетные дома, временные выставки, из коих некоторые с биллиардами, с музыкой и с другими разными для черни приманками. Возвышена на вино цена; для винопродавцов установлены стеснительные и разорительные для них правила, зато злоупотребления устраниены от надзора полиции, вице-губернаторам даны предписания стараться как можно о большей распродаже вина под опасением ответственности (!!). И с такими мерами первые годы принесли точно // (л. 80) прибыль, но вскоре оказалось, что она была временная, ибо в последние годы уже не добираются многие миллионы.

Когда таким образом, с одной стороны, народ поощрялся пропивать потовым трудом наживаемые деньги, с другой — умножена подать с паспортов, возвышена цена на первую потребность — на соль — и приняты строжайшие меры ко взысканию недоимок; предписано за недоимку помещиков отдавать под опеку, а с казенных крестьян взыскивать, хотя бы то было с пожертвованием последнего их имущества. Начали у них продавать домашний скот, лошадей и самые дома, а так как с таких обобранных взять уже нечего, то постановлено правилом, в отвращение недоимок за неимущих взыскивать с общества. В некоторых губерниях «выбить, выколотить недоимку» сделалось техническим словом. Между тем в одних губерниях, как-то: в Белорусской, Псковской, Тверской, Вологодской и Ярославской, по нескольку лет был неурожай и помещики, не получая дохода, кормили крестьян; в других — напротив, как в Тамбовской, Пензенской и Симбирской, хлеб был нипочем от немения сбыта, и деревни тоже не давали дохода. Обстоятельства сии уподобляют Россию тому состоянию, в котором была Франция во время Генриха III, когда сборщики податей обирали последнее у бедных земледельцев. О, государь! Извольте послать доверенную особу инкогнито, в виде частного человека — и вы откроете, может быть, гораздо горестнейшее состояние народа, // (л. 80 об.) нежели каковы я его представляю. Беспрестанные выгоны крестьян для делания дорог, часто в страдную пору, доверили их разорение, и притом от частых перемен в плане и от непрочной работы повинность сия сделалась бесконечно, между тем как в академическом календаре, в хронологическом показании печатается: «От издания манифеста, коим народ навсегда освобождается от делания дорог, столько-то лет!».

Умножая доходы крайними мерами, хотя три года тому назад сделано по всем министерствам сокращение расходов, но сколько еще есть предметов, на которые делаются напрасные издержки. Сколько чиновников, едва имеющих занятие, получают большие оклады в двух и трех местах, сколько таких же получают пенсии. По одному комиссариату около трех миллионов расходуется в год на циновки, веревки, вообще на укупорку и развозку вещей от комиссий до местопребывания полков, тогда как одним распоряжением в рассуждении сей доставки вещей можно бы сей расход уничтожить.

По флоту такая же экономия. По адмиралтейскому регламенту Петра Великого, едва корабль заложится на стапеле, должно раздать по всем мастерствам пропорции, дабы ко дню спуска все принадлежности к вооружению оного были в готовности. Во все министерство маркиза де Траверзе сего не наблюдалось: корабли ежегодно строились, отводились в Кронштадт и нередко гнили, не сделав ни одной // (л. 81) кампании; и теперь более четырех или пяти кораблей

нельзя выслать в море: ибо мачты для сего переставляют с одного корабля на другой, прочие, хотя число их немалое, не имеют вооружения. И так переводится последний лес, тратятся деньги, а флота нет. Но в царствование блаженной памяти родителя вашего, в 1797 году, выходило 27 кораблей, всем снаженных, а в 1801 году против англичан готовилось 45 вымпелов! Можно сказать, что прекраснейшее и любезнейшее творение Великого Петра маркиз де Траверзе уничтожил совершенно. Теперь, на случай войны, некого и не с чем выслать в море. Кроме вновь принятого Синявина и контр-адмирала Рожнова — ни одного адмирала, несколько капитанов и весьма немногих офицеров из тех, кои были в экспедициях. Между тем у соседнего государства сия часть в совершенной исправности всегда была и теперь существует.

По части управления губерний во все 25 лет не сделано ничего особенного к улучшению. Едва в 1822 году дозволено генерал-губернатору Балашеву производить опыт преобразования. Начатый без сведения Сената опыт сей принимается обывателями с негодованием на новые тягости и на умножение инстанций, а о пользе, какая из того произойти имеет, никто еще не говорит. Подобным¹ образом жалуются и на преобразование Сибири, где в обширном, но весьма малонаселенном крае, в котором бы приличнее было сокращать администрацию, прибавлена лишняя губерния и дан образ управления совещательно- aristokратический, не свойственный монархическому². // (л. 81 об.)

К сему присовокупить остается недостатки в судопроизводстве вообще. Бесконечное продолжение тяжебных дел аппеляциями и обращением паки в нижние инстанции, неправосудие и повсеместное злоупотребление. Последнее было строго преследуемо, но от полумер осталось неисцельным. Посылались сенаторы, производили исследование, тысячами отдавали бедных чиновников под суд и определяли новых, а те принимались за то же, только смелее, ибо обыкновенно поступали на места с протекциею. Сколько и теперь есть губернаторов, состоящих под бесконечным судом.

В царствование великой бабки вашей, государь, была по всем частям наблюдаема подготовка людей, столь многополезная: чиновники хотя медленно, но верно доходили от низших степеней до вышней, каждый по своей части; оттого были опытны и дальны. В предшествующему царствованию сего вовсе не наблюдалось: всякий, при министре служащий или нашедший покровительство, ко всему считался годным. Так и дела шли. Известно, что Великая Екатерина с полковничьего чина начинала обращать особенное на людей внимание, и те, кои не имели отличных дарований и способностей, не шли далее бригадиров в отставку. В последнее время каждому, продолжающему // (л. 82) службу, особенно военную, дорога к высшим степеням сделалась отверзтою. В одной губернии был губернатор, выслужившийся из фельдфебелей, и в губернии поступал, как в роте. Не мог, конечно, долго быть терпим, но жители губернии не менее от того страдали.

Вообще гражданская часть — сей краеугольный камень в здании государственного благодеяния — была в некоторой как бы опале. Государь, блаженной памяти, изволил видеть зло, но, считая его неисцельным³, ограничивался тем, что не скрывал своего отвращения. Энгельгард, имевший счастье часто разговаривать с государем, сказывал мне, что однажды при случае, как его величество любовался устройством войск, он осмелился заметить, что время приняться за устройство гражданской части, но государь, взяв его за руку и пожав крепко, с слезящимися глазами произнес: «Ах! Я это очень, очень чувствую, но ты видишь: кем я возьмусь!» Если это истина, что за (истинное) благоустройство государства в России монарху не кем взяться, то посудите, всемилостивейший государь, в каком несчастном, в каком ужасном положении

¹ Слово «подобным» подчеркнуто карандашом.

² Пять строк от слов «Подобным образом жалуются...» отчеркнуты на полях карандашом.

³ Три строки от слов «камень в здании...» отчеркнуты карандашом на полях.

наше любезнейшее отечество, коего судьба восприята вами на рамо свое. Вашему гению предлежит, подобно Петру, Екатерине, найти людей, вложить в них душу и соделать сопричастниками будущей вашей славы. Да пройдет она до позднейшего потомства! ¹ // (л. 82 об.)

Насильственная система так называемого водворения поселений принесла с изумлением и ропотом, как то и вашему величеству должно быть весьма известно, и не могло быть иначе ². После тяжкой Отечественной войны, в которой все состояния, участвуя, оказали равное усердие и верность престолу и отечеству, когда всякий ожидал в мире вожделенного спокойствия, внезапно войти в селения, военною рукою взять дома мирных земледельцев, все, дедами и самими ими нажитое, да и их самих в общий состав нового воинства — едва ли история представляет что-либо тому подобное. К сему присовокупить должно вынужденную уступку и покупку соседственных земель и поместий: ибо одна несправедливость естественно рождает другую. Возникли, с одной стороны, — отчаянное сопротивление, особенно на юге, с другой — строгие меры укрупнения. Всей России сделались известны сцены, которых никто не мог полагать возможными в царствование государя, толико кроткого, человеколюбивого! Общее недоумение разрешалось одним лицом графа Аракчеева. Оно во всех подобных действиях служило экраном для особы монарха.

Цель поселений объявлена после — освобождение России от тяжкой рекрутской повинности. Осмеливаюсь, государь, представить, что уменьшение срока службы по примеру Пруссии до 8 или до 12 лет удовлетворило бы сей цели справедливее, прочнее и безопаснее ³: ибо тогда через 25 лет во всей России разился бы дух военный // (л. 83) и крестьяне столь же бы легко стали расставаться с детьми, как дворяне, кои прежде также отпускали, как на смерть, а теперь охотно сами везут. Возвратившиеся в семейство могли бы жениться, заниматься крестьянским бытом и, наживая детей, воспитывали бы их заранее быть солдатами, сами были бы готовые ландверы.

Мысль о поселении войск не новая. Бурхард Миних представлял императрице Анне Иоанновне проект о заселении границ турецких, польских и шведских войсками с тем, чтобы они приучались к тому роду войны, который с сими неприятелями приличен. Поселение на границе может быть действительно оплотом, но внутри государства — другие следствия возможны. При разных мнениях о сем иностранцев известен краткий отзыв Веллингтона, я слышал его из уст графа Растопчина: «Видно, что русское правительство не боится штыков!».

По сим кратким очеркам различных действий правительства в отношении хозяйственного управления и настоящего положения государства следующие черты представляются главными в характеристике правления; правительство считало все прежнее худым, многое начинало вновь, отменяло и вообще — ничего не докончило, все расстроив. Правительство отделяло себя от государства и, казалось, верило, что оно может быть богато и сильно, хотя все сословия государственные, и особенно народ, в изнеможении. Правительство имело, кажется, правилом, что развратным и бедным народом легче и надежнее управлять, нежели имеющим ⁴ // (л. 83 об.) гражданские добродетели и в довольстве живущим, а потому не прислушивалось к народному мнению, не входило в его нужды: повелевало и требовало безусловного повиновения, хотя бы оттого все разорилось. В сим отношении правительство дозволяло себе даже спекуляции — последняя распродажа квитанций рекрутских разительный тому пример. Долж-

¹ Четыре строки от слов «Вашему гению...» отчеркнуты на полях карандашом.

² Против четырех строк от слов «Насильственная система» на полях помета карандашом «Военные поселения».

³ Пять строк от слов «Цель поселений...» отчеркнуты на полях карандашом и отмечены знаком «NB».

⁴ Одиннадцать строк от слов «По сим кратким очеркам...» отчеркнуты на полях карандашом, против них помета: «Введение».

но ли после сего удивляться, что правительство потеряло народную доверенность и сердечное уважение и возбудило единодушное, общее желание перемены в порядке вещей?

Всемилостивейший государь! Раскрыв пред взором вашим по крайнему моему разумению причины неудовольствия против правительства, я осмеливаюсь, приступив к настоящей моей цели, представить истинный источник обнаружившегося при восшествии вашем на престол злоумышления.

Деятельное просвещение России началось при Екатерине Великой. Один частный человек, Новиков, с обществом своим, старавшимся о распространении чтения полезных книг и для сего имевшим свою типографию, сделал едва ли не более, нежели все училища. Молодые люди с талантами посылались на счет сего общества вояжировать и, действительно, многие обязаны стали ему последующею своею известностью. Открылась революция, масонские общества сделались подозрительными, и Новиков пострадал. Блаженной памяти ваш августейший родитель даровал ему и сотоварищам его свободу. Из сего рассадника люди первые явились на сцене, когда при начале царствования в бозе почившего // (л. 84) государя открылось вожделенное намерение его просветить Россию и уничтожить в ней рабское состояние. По учреждении министерств взяты быстрые меры к распространению образования: учреждены новые университеты, умножены училища, преобразованы гимназии; ослаблена цензура предоставлением оной гражданским губернаторам и управам благочиния в столицах, поощрены переводы печатанием с высочайшего дозволения книг, дающих понятие о новых идеях относительно основания государственного блага; так, напечатаны: конституция Англии де Лольма, творенья Монтескье, Бентама и других; с тем вместе явились: Пифагорово путешествие, Антенорово путешествие, Фоблаз и кум Матвей, непосредственно развивающие другие понятия и разворачивающие нравы.

При таком начале просвещения государь изволил прекратить раздачу крестьян в крепостное состояние. Незабвенный, ре скрипты его к его королевскому высочеству герцогу Бюргенбергскому по случаю утверждения аренды на 50 лет сделался известным всем. Потом открыто новое состояние свободных хлебопашцев. Некоторые вельможи отпустили в оное целые селенья. Изданы указы, поощрительные к отысканию из крепостного состояния свободы, несколько раз после повторенные. Наконец, составлены правила для перехода крестьян помещичьих в свободное состояние в остзейских провинциях, повсюду расpubликованные. Присоединение Псковской губернии к округу сих губерний подало повод к заключению, что на ней сделается первый опыт приложения сих правил к великороссийским губерниям. // (л. 84 об.)

Во время влияния на дела Сперанского для образования духовного юношества принятые новые правила, учреждены новые духовные академии и комитет училищ. Для преподавания курса богословия выписан был известный профессор Феслер из Германии, но по протесту против программы его, поданному от архиепископа Феофилакта, допущен до преподавания не был; но тем не менее новообразованное духовенство восприяло не тот уже дух, который виден был прежде. В последние годы методу учения паки переменили на старую.

Общее бедствие 1812 года наклонило умы и сердца к набожности. Отселе начался период мистицизма. Началось издание «Сионского вестника», удостоенное потом высочайшей награды. Явились сочинения Штиллинга, внушающие мысль о ненадобности духовенства и наружных обрядов церкви; потом переводы сочинений г[оспо]жи Гион, Детуша и проч., из коих многие напечатаны на казенное иждивение, и переводчики или издатели удостоены от монарха наградами. Открылось Библейское общество. Магницкий при открытии отделения оного в Симбирске сказал весьма блазнительную речь, и она была напечатана во всех публичных листах, как образцовая, хотя имела вид более тонкой сатиры, нежели истинной набожности. Библейские заседания представили картину истинного Толерана.

Издание Нового завета, Святое евангелие, которое во мнении народа казалось неприкосновенным для мирян, сделалось ручною книгою. Перевод сего Завета подал повод к различным волнующим умы толкам насчет несходства. Так, например, // (л. 85) в послании к коринфянам VII главы, в 21 стихе славянский текст говорит: «Раб ли призван был еси; да не нерадиши: но аще и можеши свободен быти, больше поработи себе». Напротив русский: «Рабом ли ты призван, не беспокойся, но ежели можешь сделаться и свободным, тем больше воспользуйся». Чем ближе такой перевод к еврейскому тексту, тем не менее он подрывает народное доверие к одной из священнейших книг, читаемых в церкви, доверие чрез два века неприкосновенное. Какой притом соблазн для раскольников!

Между тем как все сие происходило, вышеупомянутое заведение для образования юношества, Царскосельский лицей, дал несколько выпусков. Оказались таланты в словесности, но свободномыслие,вшенное в высочайшей степени, поставило их в совершенную противоположность со всем тем, что они должны были встретить в отечестве своем при вступлении в свет. Тот же самый дух разлит на всех, кои образовались в университетах, в университетских и частных пансионах, в училище иезуитов и во всех других заведениях, кроме корпусов. Отличительные свойства вновь образованных людей с некоторым исключением суть: неизвестность ничего святого, нетерпение подчиненности, неуважение к летам, желание независимости, скорое стремление к наслаждениям жизни, скучание всем и бесполезность ко всему настоящему. Им кажется, что для ума их в России тесно и нет ничего достойного их деятельности, потому многие, чтоб быть чем-нибудь, ищут только считаться при ком-нибудь. // (л. 85 об.)

Должно ли после сего удивляться, что честолюбие и предприимчивость некоторых опытных людей захотели воспользоваться таким расположением умов и обстоятельств и основать тайное общество, подражая прусским и германским. Существование масонских лож тому должноствовало еще более способствовать. Правительство не подозревало их. В 1816 году, 30 августа, в Москве открыта была ложа с высочайшего соизволения. Государь изволил сказать графу Тор-масову: «Я не даю явного позволения, но смотрю сквозь пальцы; опытом дозна-но, что в них ничего нет вредного, и потому предоставляю на твою волю».

В речи своей на Варшавском сейме государь изволил упомянуть, что готовит для России подобное состояние. Речь была напечатана в русских публичных листах и пользыла надежде либералов. Внезапно происшествия в Испании и Пиемонте с современным восстанием греков произвели решительный перелом в намерении государя, как между тем воспламенили умы в мечтателях о свободе России.

Греки оставлены своей судьбе; связь единоверства, восемь веков нерушимо существовавшая, которой всегда страшилась Порта и опасалась Европа, вдруг разрушена. Греки, в России находящиеся, и особенно в Москве, шопотом произносили жалобу свою и сообщали знакомым свои идеи о несправедливости поступка с ними. Оттого радость их при объявлении цесаревича императором была чрезвычайна. Они отыскали // (л. 86) медали, выбитые на рождение его высочества с изображением церкви Софии; видели уже себя обладателями Царьграда, и вдруг восхитительная надежда их исчезла. Унылость видна на лице их.

Внезапное уничтожение масонских лож послужило к тайному огорчению многих. Между тем по ходу просвещения, хотя цензура¹ постепенно делалась строже, но в то же время явился феномен небывалый в России — девятый том «Истории Российского государства», смелыми резкими чертами изобразивший все ужасы неограниченного самовластия и одного из великих царей открыто наименовавший тираном, какому подобных мало представляет история! Непо-

¹ Далее идет слово «была», заключенное в скобки.

стижимо, каким образом в то самое время, как строжайшая цензура внимательно привязывалась к словам ничего не значащим, как-то: ангельская красота, рок и пр., пропускались статьи, подобные «Волынскому», «Исповеди Наливайки», «Разбойникам-братьям» и пр. Пред самым восшествием вашим на престол в 22 № «Северного архива» показалась статья о избрании Годунова на царство, а с 27 ноября по 14 декабря в одном из магазинов выставлялись портреты Риеги и Квироги. Все сие не есть ли действие одного и того же духа?

Происшествие с переводом сочинения пастора Госнера дало повод к немалому волнению умов. Удаление князя Голицына от министерства просвещения и уничтожение министерства духовных дел сделалось эпохою // (л. 86 об.) низложения мистицизма и библейизма. Представилось соблазнительное торжество известного Фотия, представляющего святого ревнителя церкви и в то же время обирающего именитую свою покаянницу. Обнародован оскорбительный для князя Голицына реескрипт к новому министру просвещения по случаю дозволения напечатать книгу Станевича, за пропущение коей прежде пострадал духовный цензор Иннокентий; между тем как читавшие книгу сию в публике уверяют, что она ни той, ни другой чести не заслуживает. Объявлено запрещение и самая конфискация тех книг, кои прежде напечатаны с высочайшего дозволения. Приостановлен даже катехизис архиепископа Филарета, на заглавном листе коего означено было, что он святейшим Синодом рассмотрен и одобрен и напечатан по высочайшему соизволению. Надобно было видеть действие такого запрещения: в два, три дня в Москве выкуплены все экземпляры за тройную цену, с такою жадностью все желали знать, что мог написать архипастырь, добродетельною жизнею славящийся, противное духу христианской религии. В это же время последовали два указа насчет священников и духовенства вообще: первый, расpubликованный через гражданских губернаторов, чтобы миряне не поили допьяна священников, и второй, данный святейшему Синоду, чтобы отличить жен и дочерей священно- и церковнослужителей особым одеянием. Тот и другой оскорбили духовенство и сделали оное предметом разных сарказмов в публике. Если все это делалось без скрытной пружины, то, по крайней мере, производило одно // (л. 87) действие: возбуждало умы против правительства и поощряло к желанию чего-либо лучшего.

Достопочтенный министр просвещения между тем в речи своей открыл намерение правительства остановить успехи превратного просвещения — новый повод к неудовольствию свободномыслящих. Еще продолжались о сем различные мнения публики, как вдруг происшествие в Грузине представило глазам ее новую катастрофу, не менее всех поразившую. Брожение умов и ожидание предшествовало важнейшему событию.

О, государи! Удостойте сообразить все вышеизложенное, и вы изволите увидеть и убедиться, что истинный корень республиканских порывов сокрывается в самом воспитании и образовании, которые в течение 24 лет само правительство давало юношеству. Оно само питало их, как млеком, либеральными идеями; между тем как, вступая на деятельное поприще жизни, они на каждом шагу встречали повод к достижению той цели, к которой ведет подобное образование. Преследовать теперь за свободномыслие — не то ли же будет значить, что быть слепого, у которого трудно операцию сняты катаракты и которому показан свет за то, что различает предметы.

Когда вы изволите быть в Москве, то увидите в миниатюре изображение российского юношества, возросшего в 19 веке: это училище, учрежденное обществом сельского домоводства для помещичьих крестьянских детей. Директор сего училища, почтенный профессор Павлов, назидая над их воспитанием, обходится с ними со всею деликатностью и к тому же // (л. 87 об.) приучает их во взаимном обхождении. Между тем с преподаванием наук, развивающих высокие понятия, возвышающих душу, они делаются людьми выше своего состояния — и зачем все это? Чтобы по окончании курса отдать помещику, который при первом капризе сего образованного юношу может по обыкновению послать

на конюшню для телесного наказания. Не есть ли это то же, что точить на себя нож ожесточения? ¹

Всемилостивейший государь! Сколько бы ни оказалось членов тайного общества или ведавших про оное, сколько бы многих по сему преследованию ² ни лишили свободы, все еще останется гораздо множайшее число людей, разделяющих те же идеи и чувствования. Россия так уже просвещена, что лавочные сидельцы читают уже газеты, а в газетах пишут, что говорят в палате депутатов в Париже. Не первая ли мысль: «Почему мы не можем рассуждать о наших правах и собственности?» — рождается в голове каждого. Большая часть профессоров, литераторов, журналистов должны душевно принадлежать к желателям конституционного правления: ибо свобода тиснения сопряжена с личною их выгодою. Книгопродавцы тоже, купцы тоже. Наконец, все те, кои бывали в иностранных государствах, а иные и образовались там; все те, кои служили в гвардии и теперь служат, не того ли же образа мыслей? Кто из молодых людей, несколько образованных, // (л. 88) не читал и не увлекался сочинениями Пушкина, дышащими свободою, кто не цитировал басни Дениса Давыдова: «Голова и ноги! Может быть, в числе тех, кои имеют счастье окружать особу вашу, есть таковые. О, государь! Чтобы истребить корень свободномыслия нет другого средства, как истребить целое поколение людей, кои родились и образовались в последнее царствование. Но если сие невозможно, то остается одно — превозмочь сердца милосердием и увлечь умы решительными явными приемами к будущему благоденствию государства.

В сем отношении дозвольте обратить высочайшее внимание вашего величества на два коренных устава России, кои производят неприметный, но действительный вред: Табель о рангах и Городовое положение. По первой быстро умножается класс личного, беспоместного дворянства, подобного польской шляхте, которое, всякий труд и ремесло считая низким, живет различными изворотами и вообще составляет род людей, который при переворотах может надеяться что-нибудь выиграть, а потерять ничего не может. Недавно в Москве один такой чиновник посажен был во временную тюрьму по взысканию — за повышение чина ³. По Городовому положению собственно гражданами наших городов почитаются одни купцы и мещане, с такою притом особенностью в отношении к первым, какой едва ли есть что-либо подобное в других государствах, а именно тою, что права, облагораживающие особу гражданина, // (л. 88 об.) даны не лицу, а капиталу. От этого происходит двоякое следствие: богатый, честный купец невинно разорился. Потеря богатства есть сама по себе несчастие великое; но закон вместо утешения угнетает его паче отъятием самых прав, отливавших его от низкого класса. С другой стороны, будь гражданин, Сократ, добродетелью, и он подвержен всем тягостям низкого звания, если не богат; будь, напротив, заявленный в бесчестных правилах и — объявя капитал, он получает права, равняющие его дворянину, самым приездом ко двору. По истине гибельный соблазн для гражданской добродетели, а без нее никакое государство не может быть истинно благополучным.

Государь! Вы восприяли скипетр России в самых затруднительнейших обстоятельствах, но вместе с тем сколько предстоит вам предметов на пути к истинной неувядаемой славе, к немерцающему бессмертию! Воскресите для России в особе своей благодушного Генриха IV, которого желание — видеть в воскресный день курицу в супе каждого крестьянина — пребудет прочнейшим памятником в сердцах позднейшего потомства. Великий Генрих принял Францию в бедственнейшем положении; но пожелал видеть ее счастливою, избрал честного Сюлли, — и в десять лет все изменило вид свой. Вам подобно предстоит:

¹ Восемь строк от слов «приучает их во взаимном обхождении...» отчеркнуты на полях карандашом и отмечены знаком «NB».

² Три строки от слов «Всемилостивейший государь...» отчеркнуты на полях карандашом.

³ Три строки от слов «а потерять ничего не может...» отчеркнуты на полях карандашом и отмечены знаком «NB».

даровать духовенству нравственное образование, подкрепить упавшее и 24-летним займом вконец разоряемое дворянство, воскресить коммерцию и промышленность незыблемыми уставами, водворить // (л. 89) правосудие учреждением лучшего судопроизводства, преобразовать города введением гражданских прав, подобных другим просвещенным государствам, дать другое, постепенное для всех состояний просвещение юношеству, улучшить состояние земледельцев, уничтожить уничтожительную для нации продажу людей — о легком к сему средству я имел счастье представлять покойному государю, воскресить флот, поощрить к мореплаванию честных людей, к чему призывают Гаити и Америка; но мне ли исчислить все те отрасли государственного блага¹, которые от вас должны произрасти, процвести и дать плод!

Августейший монарх! В последнем порыве любви к Отечеству дерзнул я, не желая уподобиться евангельскому рабу, сокрывшему талант свой в землю, представить вашему величеству все то, что мне, по бытности моей при делах и по обращению в среднем состоянии, известно относительно настоящего положения России, которую я имел случай видеть от Камчатки до Польши, от Петербурга до Астрахани. Я исполнил сие, сколько то растерзанное горестью сердце и необходимость писать прямо набело мне дозволили. Имев счастье прочитать благость во взорах ваших, я скорблю об одном, что вы, государь, не сердцевидец. О, если бы вы изволили видеть, какими чувствами исполнена душа моя — может быть, удостоили бы меня вашим состраданием!... Но да совершится воля неисповедимого в путях своих пророчества! С благоговением повергаюсь к освященным стопам вашим, всемилостивейший государь!

Вашего императорского величества верноподанный
барон Владимир Иванов сын Штейнгейль, отставной подполковник,
заключенный в Петропавловской крепости²

Генваря 11 дня, 1826 года // (л. 71)

№ 2³

Августейший монарх, всемилостивейший государь!

Когда я имел величайшее в жизни моей несчастие — в качестве преступника предстать перед вашему, тогда ваше величество удостоили мне сказать: «И мое положение незавидно!» Незабвенные слова сии, услышанные из уст обладателя полсвета, поразили меня до глубины сердца, сделали безмолвным и заставили непрестанно размышлять о них.

Так, государь! Вам оставлено государство в изнеможении, с развращенными нравами, со внутренним расстройством, с истощающимися доходами, с преувеличенными расходами, с внешними долгами — и при всем том ни единого мужа у кормила государственного, который бы с известным глубоким⁴ // (л. 71 об.) умом, с характером твердым, соединяя полное и безошибочное сведение о своем отечестве, питал к нему любовь, сея любие превозмогающую, словом — ни одного мужа, на котором бы могла возлечь высочайшая ваша доверенность в великим деле государственного управления. Если присовокупить к сему разлившийся неспокойный дух с неудовольствием против правительства прежнего⁵ с родившееся из того недоверчивостью к будущему, и, наконец, самую необходимость, в коей вы нашлись опечалить многие семейства в обеих столицах, то, действительно, положение ваше, государь, весьма затруднительно. Но если

¹ Слово «блага» вписано над строкой.

² Письмо написано В. И. Штейнгелем собственноручно.

³ Вверху листа пометы чернилами: «9 февраля 1826», «к свед[ению]», «в Комитет».

⁴ Четыре строки от слов «со внутренним расстройством...» отчеркнуты на полях карандашом.

⁵ Три строки от слов «Если присовокупить...» отчеркнуты на полях карандашом.

на все сие изволите устремить внимательный взор с другой стороны, коль богатый узрите источник для величия и славы! Какое обилие случаев к приобретению сердец народа! Коль краткий и коль верный путь в храм бессмертия! Великий Фридрик был нелюбим и от него не ожидали ничего, когда царствовал еще его отец, но сделавшись государем, он стал кумиром своего народа — и теперь живет в сердцах пруссаков. Ему, однако ж, стоило это великих воинских подвигов¹ много пролития крови, // (л. 72) но вам, государь, это стоит одной решительной твердости в намерении вашем жить для отечества, то есть сделать его благополучным гражданскими учреждениями.

Великий пррапрадед ваш, в несчастной Нарвской баталии потеряв всю артиллерию, впал в немалое сердца сокрушение и весьма недоумевал, какими средствами вознаградить толь великую потерю. Один нетрезвый подьячий в Новгороде осмелился подать сетующему монарху мысль перелить колокола в пушки. Бессмертный гений не только не оскорбился дерзновением, не только не возгнушался советом, но еще поцеловал ничтожного человека сего в голову и сказал: «Камень, его же не брегоша зиждущий, той бысть во главу угла». Не презирите вы, государь, мыслю, которую, может быть, само небо, призывающее на чистоту моих чувствований, мне впирает.

Между тем как не время еще делать какие-либо перемены в прежнем порядке правительства¹, ниже издавать милостивого манифеста, дух томительной неизвестности, разлившись по всей России, // (л. 72 об.) производит самое неблагоприятное на сердца народа впечатление. В ожидании, что будет, власти пребывают в некотором онемении, а публика и народ внемлет пустым рассказам, догадкам, суесловию. При таком повсеместном смятении было бы весьма полезно издание такого манифеста, который бы, не содержа никаких существенных милостей, показался бы всем и был бы принят за великое благодеяние.

Сущность сего манифеста должна состоять в том, чтобы ваше величество повелели всем гражданским губернаторам и начальникам областей — в столицах токмо военным генерал-губернаторам — в течение трех месяцев со дня получения манифеста заняться собранием и составлением верных и точных сведений о настоящем положении купечества, мещанства и крестьян, кроме помещичьих, относительно торговли, промышленности, оплачивания податей и отправления земских повинностей. В сведениях сих должно быть ясно представлено: не препятствует ли что явно благосостоянию их, не отягощаются ли они выше всякой возможности // (л. 73) и не разоряются ли паче, нежели преуспевают в достоянии своем, а потому необходимо, чтобы собирание сих сведений о градских обывателях происходило чрез самих градских голов, а о крестьянах — чрез нарочных чиновников. Подобные сведения о дворянах и помещичьих крестьянах должны быть составлены губернскими дворянскими предводителями по собрании от уездных предводителей — и как сии последние, так и начальниками губерний и областей составленные, должны быть не позже означенного срока представлены вашему величеству непосредственно в собственные руки, под опасением притом подвергнуться праведному вашему негодованию, если скрыта будет какая-либо истина и после дознается другими сторонними путями.

Всемилостивейший государь! Дерзаю удостоверять ваше величество, что подобный манифест произведет самое сильное и самое благоприятнейшее для вас действие, особенно, когда украшен будет приличными и душу умилять способными выражениями. // (л. 73 об.) Все умы обратятся на сей предмет; все займутся своею пользою; сердца исполнятся приятной надежды и повлекутся к монарху с возрождающейся любовью. Самое то, государь, что вы изволите повелеть представить сведения те в собственные руки, мимо министров, к которым, я убеждаюсь совестию сказать монарху моему истину, ни просвещен-

¹ Против двух строк от слов «Между тем как...» помета на полях карандашом: «Меры к восстановлению».

ная публика, ни народ не имеет ни внутреннего уважения, ни доверия; самое то послужит вящим для народа убеждением, что вы действительно намерены кратчайшими путями узнать истинные его нужды и заняться его благосостоянием. Между тем ваше величество изволите заняться отдачей последнего долга священному праху в бозе почившего государя и потом приугощением к вашей коронации, которую, если бы и не предварили настоящим милостивым манифестом, то и тогда первопрестольная Москва изыдет уже в сретение ваше с чувствами непримиримой преданности.

Нет сомнения, что в представленных // (л. 74) сведениях ваше величество изволите найти много излишнего, неточного, неудовлетворительного; но вместе с тем довольно будет и самой истины, из которой возможно будет извлечь нечто целое для будущих соображений. Притом вы изволите увидеть способности и справедливость ваших губернаторов и дворянских предводителей.

Августейший монарх! Если мысль сия, которую чистейшее усердие мое к вашему величеству из мрачной темницы моей повергает ко священным стопам ваших, будет вам благоугодна, то дозвольте всемилостивейше, чтобы я представил вам и самый проект вышепомянутого манифеста.

Государь! Я не рожден с чувствами, свойственными злодеям, и в течение всей моей жизни всегда гнушался злом и ненавидел всякую ложь и неправду, а потом с неограниченной доверенностью в настоящем бедствии моем предал себя благоизволению бога сердцеведца и вашему милосердию. С величайшим терпением ожидая решения общей части, я не имею в предмете преклонить ваше величество на исключительное ¹// (л. 74 об.) ко мне и к несчастному семейству моему сострадание. Одно чистейшее желание возвышает дух мой до толикого дерзновения, что осмелился обеспокоить ваше величество представлением моей мысли: оно состоит в том, чтобы вы поспешили восцарствовать в сердцах народа и, сооружа в них незыблемый престол свой, спасли бы любезнейшее отечество наше от бедствия и возвеличили бы Россию. Она того достойна!

С глубочайшим благоговением повергаюсь к августейшим стопам вашим, всемилостивейший государь!

Вашего императорского величества верноподанный
барон Владимир Иванов сын Штейнгель,
отставной подполковник
содержащийся в Петропавловской крепости ²

Генваря 29 дня, 1826 года

¹ Две строки от слов «терпением ожидая решения...» отчеркнуты на полях карандашом.

² Письмо написано В. И. Штейнгелем собственноручно.

2. Дело № 298 «По просьбам арестованных лиц об отпуске собственных их денег на покупку табаку и на другие надобности», л. 3 (просьба от 2 апреля 1826 г.).

3. Дело № 302 «О довереностях, данных арестованными лицами, касательно домашних дел их», лл. 109—110 об. (прощение от 7 апреля 1826 г.).

4. Дело № 264 «О сочинении подполковника Батенкова под именем опыта теории правительственные учреждений», л. 1 «а» об. (показание от 15 мая 1826 г.).

5. Дело № 303 «Об отобранных сведениях от арестованных лиц, не имеет ли кто из них в судебных местах тяжебных дел», л. 201 (показание без даты).

6. Дело № 304 «Об отобранных от арестованных лиц сведениях, не состоит ли у кого в залоге недвижимое имение как в опекунских советах, банке, так и в приказах общественного призрения», л. 93 «а» (показание без даты).

О СЛЕДСТВЕННОМ ДЕЛЕ В. И. ШТЕЙНГЕЛЯ

Владимир Иванович Штейнгель был видным членом Северного общества декабристов. Об его участии в тайном обществе Следственному комитету стало известно 26 декабря 1825 г. из показаний А. А. Бестужева ²⁷. 28 декабря Комитет принял решение об аресте В. И. Штейнгеля ²⁸. На основании приказа военного министра Татищева от 30 декабря 1825 г. В. И. Штейнгель был арестован в Москве 2 января 1826 г. и в тот же день отправлен в Петербург ²⁹. 6 января после допроса в Зимнем дворце его заключили в Петропавловскую крепость согласно письменному распоряжению Николая I: «Присыаемого Штейнгеля посадить по усмотрению под строгий арест» ³⁰. Штейнгель был помещен в «арестантский каземат № 7» Никольской куртины ³¹.

Дело Штейнгеля содержит ценные сведения в основном по двум направлениям: во-первых, в своих показаниях он подробно излагает причины и источники формирования идеологии декабризма, во-вторых, будучи непосредственным участником декабрьских событий в Петербурге, Штейнгель дал живую картину подготовки Северным обществом восстания 14 декабря. В целом показания Штейнгеля отличаются откровенностью, хотя в начале следствия он старался преуменьшить свою роль в тайном обществе, особенно накануне 14 декабря.

В первом допросе, снятом во дворце Левашовым, Штейнгель признался в участии в тайной организации. Он сообщил об известной ему цели общества — введении конституционного правления и своем знакомстве с конституцией Никиты Муравьева. Его вынудили рассказать о своих связях с членами Северного общества в Петербурге и Москве, об осведомленности о предполагавшемся покушении А. И. Якубовича на Александра I. Признался он и в своем участии в собраниях членов Северного общества накануне и в день восстания (док. № 3/2). В этом пункте дело Штейнгеля тесно примыкает к следственному делу Г. С. Батенькова, также как и по линии расследования связей тайного общества с М. М. Сперанским. Штейнгель сообщил на допросе у Левашова о весьма откровенных беседах Батенькова со Сперанским не-задолго до восстания. Комитет, специально занимавшийся этим вопросом, 21 января послал Штейнгелю отдельный запрос, текст которого вместе с ответом находится в деле Батенькова ³².

В январе 1826 г. Штейнгель направил из Петропавловской крепости два обширных послания на имя Николая I с критикой политического и экономического состояния России при Александре I и указанием на необходимость перемен ³³.

16 января 1826 г. в Комитете читали ответы И. И. Пущина, в частности на специальный вопрос о деятельности Штейнгеля в тайном обществе ³⁴. 7 февраля Штейнгель был допрошен

²⁷ Восстание декабристов, т. I, с. 431.

²⁸ ЦГАОР СССР, ф. 48, д. 26, л. 29.

²⁹ Там же, д. 30, лл. 299—302.

³⁰ Шеголев П. Е. Указ. соч., с. 271.

³¹ ЦГАОР СССР, ф. 48, д. 30, л. 304.

³² См. наст. том, с. 69.

³³ См. наст. том, с. 181. Впоследствии фрагменты из показаний Штейнгеля и его писем на имя царя вошли в свод мнений декабристов о внутреннем состоянии государства, составленный А. Д. Борковым по указанию Николая I.—«Русская старина», 1898, № IX, с. 331—362.

³⁴ См. наст. том, с. 59.

в Комитете, где «касательно происшествия 14 декабря и предшествовавших совещаний открыл много подробностей»³⁵. В тот же день он получил письменные вопросы, аналогичные устным, в ответах на них он «подтвердил во всем словесное показание»³⁶ (док. № 4/4, 5/5).

Очень важным для Штейнгеля было показание С. П. Трубецкого от 15 февраля 1826 г. Он признался, что утром 14 декабря 1825 г. Штейнгель был занят составлением проекта манифеста³⁷. 8 марта 1826 г. Комитет направил Штейнгелю специальный запрос по этому поводу и потребовал воспроизвести текст манифеста. Штейнгель попытался это сделать (док. № 6/6), однако, как следует из показаний Рылеева от 24 апреля, он изложил содержание манифеста далеко не полностью³⁸.

Вновь Штейнгель был допрошен в Комитете 30 апреля. Вопросы, адресованные ему, обобщили новые сведения о нем, полученные к этому времени из допросов А. Бестужева, П. Г. Каходского, Рылеева³⁹. Как отмечено в журналах заседаний Комитета, Штейнгель при ответе на вопросы прибавил «некоторые подробности относительно к совещаниям, бывшим у Рылеева перед 14-м числом декабря и происходившим у него того же числа после происшествия». Он также сделал «весьма важные показания, которые, однако, не входят в предмет занятый Комитетом»; было решено «по важности их представить государю императору»⁴⁰. Следователи имели в виду нелестную характеристику, данную Николаю I Штейнгелем. По требованию Комитета Штейнгель должен был переписать свои ответы, «выпустив все оскорбительное»⁴¹.

Документы № 11/11 и 12/12 — вопрос Штейнгелю 15 мая 1826 г. и протокол очной ставки его с Каходским, состоявшейся 16 мая, связаны с показанием Каходского от 14 мая, где он сообщил о предложении Штейнгеля «захватить» царскую семью перед коронацией⁴². Для выяснения этого обстоятельства был спрошен также 15 мая Рылеев, он не подтвердил показания Каходского⁴³. Тот же вопрос поднимался и на очной ставке Рылеева и Каходского 16 мая, на которой Рылеев вновь отказался подтвердить слова Каходского⁴⁴. Дознание по этому пункту было последним этапом следствия.

В. И. Штейнгель был осужден по третьему разряду за то, что «знал об умысле на цареубийство и лишение свободы, с согласием на последнее; принадлежал к тайному обществу с знанием цели и участвовал в приготовлении к мятежу планами, советами, сочинением манифеста и приказа войскам»⁴⁵. Верховный уголовный суд приговорил его к лишению чинов и дворянства и к ссылке на каторгу на 20 лет. По указу 22 августа 1826 г. срок каторжных работ был сокращен до 15 лет с дальнейшим поселением Штейнгеля в Сибири⁴⁶.

Следственное дело В. И. Штейнгеля хранится в ЦГАОР СССР, в фонде № 48, под № 360. По современной нумерации в деле 52 листа. Сохранилась также первоначальная нумерация, простоявшая надворным советником Ивановским при формировании дела. Ивановский закрепил в деле 40 листов, не учитя документы № 1, 2/1, 14/0, 15/0, 16/0. Последние три документа попали в дело позднее, документ № 14/0 был вширен после л. 40 нумерации Ивановского, а документы № 1, 15/0, 16/0, 2/1 — перед л. 1 (нумерация Ивановского).

Ниже дан перечень дел Следственного комитета, в которых имеются показания В. И. Штейнгеля по различным вопросам, не вошедшие в состав дела № 360 и публикуемой здесь в качестве приложений части дела № 11:

1. Дело № 67, С. М. Семенова, лл. 11—12 (показание от 14 января 1826 г.).
2. Дело № 359, Г. С. Батенькова, лл. 67—68 об. (показание от 22 января 1826 г.), см. наст. том, с. 69.
3. Дело № 67, С. М. Семенова, л. 23 (протокол очной ставки от 22 марта 1826 г.).
4. Дело № 373, М. И. Пущина, л. 21—21 об. (показание от 3 апреля 1826 г.), см. наст. том, с. 460.

³⁵ ЦГАОР СССР, ф. 48, д. 26, л. 150.

³⁶ Там же, л. 170.

³⁷ Восстание декабристов, т. I, с. 71.

³⁸ Там же, с. 187—188.

³⁹ Там же, с. 451, 346, 179.

⁴⁰ ЦГАОР СССР, ф. 48, д. 26, л. 451—451 об.

⁴¹ Общественные движения в России в первую половину XIX века. СПб., 1905, с. 417.

⁴² Восстание декабристов, т. I, с. 376.

⁴³ Там же, с. 199, 201.

⁴⁴ Там же, с. 202—203.

⁴⁵ Декабристы и тайные общества в России, с. 88.

⁴⁶ Восстание декабристов, т. VIII, с. 211.

5. Дело № 303 «Об отобранных сведениях от арестованных лиц, не имеет ли кто из них в судебных местах тяжебных дел», л. 200 (показание от 24 апреля 1826 г.).

6. Дело № 347, А. И. Одоевского, л. 28 (протокол очной ставки от 24 апреля 1826 г.); см. «Восстание декабристов», т. II, с. 264.

7. Дело № 337, П. Г. Кауховского, л. 33—33 об. (протокол очной ставки от 3 мая 1826 г.); см. «Восстание декабристов», т. I, с. 356—357.

8. Дело № 337, П. Г. Кауховского, л. 54 (протокол очной ставки от 10 мая 1826 г.); см. «Восстание декабристов», т. I, с. 368—369.

9. Дело № 277 «О истребованных формуллярных списках о службе лиц, взятых по при-
косновенности к злоумышленному тайному обществу», л. 31—31 об. (показание без даты).

10. Дело № 304 «Об отобранных от арестованных лиц сведениях, не состоит ли у кого в залоге недвижимое имение как в опекунских советах, банке, так и в приказах общественного признания», л. 76 (показание без даты).

О СЛЕДСТВЕННОМ ДЕЛЕ ДЕКАБРИСТА К. П. ТОРСОНА

Декабрист Константин Петрович Торсон был арестован на другой день после восстания 14 декабря 1825 г. На допросе у В. В. Левашова он показал, что был принят в тайное общество в 1824 г. Н. А. Бестужевым, у которого видел Е. П. Оболенского, А. И. Якубовича, двух братьев Бестужевых, В. К. Кюхельбекера, И. И. Пущина, Ф. Н. Глинку, Ф. В. Булгарина. Причиной, побудившей его вступить в общество, было «желание видеть отечество мое, водимым законами, ограждающими собственность и лицо каждого». Он [знал о намерении общества воспользоваться присягою для осуществления своих целей, однако не был согласен со средствами действия общества и не принял участия в восстании (док. № 3/3). 22 декабря эти показания были заслушаны в Комитете⁴⁷.

После допроса Торсон был отправлен в Свеаборгскую крепость.

20 апреля 1826 г. Торсону были вручены «вопросные пункты», касавшиеся целей общества, плана отправления членов царствующей фамилии за границу и планов цареубийства, проектов конституции, средств влияния на войска, связей с другими революционными организациями (док. № 4/4).

Торсон объяснил мотивы своих действий тем, что «желал видеть исправление злоупотреблений в моем отечестве и введение через краткие меры конституционного правления». От Бестужева узнал, что цель общества состояла во введении в России конституции мирными средствами. Однако весной 1825 г. Бестужев объявил ему о революционных намерениях общества и предложениях ввести республику. В середине лета он получил от Рылеева предложение возглавить организацию морских офицеров Кронштадтского экипажа, но отказался. Также он не был согласен с планом Рылеева отправить за границу царскую фамилию. Торсон был вынужден также показать, что получил от Бестужева проект конституции, на который написал свои замечания⁴⁸, от С. П. Трубецкого слышал о существовании на юге тайного общества, а также о планах цареубийства П. Г. Кауховского и А. И. Якубовича. Незадолго до 14 декабря 1825 г. он высказал Бестужеву и Рылееву свое несогласие с планом действия общества — выводом войск на Петровскую площадь. Ему было известно о пропаганде среди войск Рылеева и братьев Бестужевых (док. № 5/5).

25 апреля 1826 г. Следственный комитет принял решение в целях удобства ведения следствия, в частности для устройства очных ставок с другими обвиняемыми, например с Рылеевым, перевести Торсона из Свеаборга в Петербург⁴⁹. 30 апреля 1826 г. Торсон был переведен в Петропавловскую крепость⁵⁰.

6 мая 1826 г. Комитет стремился выяснить у Торсона, был ли план вывоза императорской фамилии за границу, предложенный Рылеевым, принят обществом. Торсон показал, что осенью от Рылеева слышал о плане покушения на царя и великих князей и о введении республики; позднее Бестужев, показывая ему черновую прокламацию, объявил, что покушение на великих князей отменяется (док. № 6/6).

⁴⁷ ЦГАОР СССР, ф. 48, д. 26, л. 15.

⁴⁸ Восстание декабристов, т. II, с. 88—100.

⁴⁹ ЦГАОР СССР, ф. 48, д. 26, л. 416.

⁵⁰ Там же, д. 31, л. 28.